

Гала Красмус

VITA MEMORIAE

Пролог

Рассвет.

Воспоминания являют ясные картины дней
перед взором глаз.... О Память, – лей! –
цвет алый огонька, сибирского цветка,
на белый лист бумаги

Часть первая

То явь иль сон мне в детстве снился

*“Счастье есть идеал не разума,
а воображения”*

Иммануил Кант

Раннее утро. Я открываю глаза. Горит керосиновая лампа, которая стоит в сквозной печурке за печкой и ее отсвет протянулся по потолку длинными полосами. На мгновение прикрываю глаза. И в следующее мгновение перед взором открывается не потолок, а звездное небо – иссиня-черное с ярко-серебристыми звездочками. Пристально всматриваюсь и вот я уже рядом с ними медленно плыву. А они – звезды! – совсем рядом, стоит только дотронуться рукой, но я не делаю этого, боюсь спугнуть чудесный сон-явь, лежу не шевелясь. Но как хочется протянуть руку, однако замираю и всматриваюсь, всматриваюсь, силясь запомнить. Ой, как сказочно! – Я и звезды!

Слышу “чирк-чирк “ – это бабушка зажигает лучину и кладет в печь, и через мгновение “ у...у “ – растопилась знать. От огня в растопившейся печи на стенах и потолке появляется причудливый, как северное сияние, светящийся узор. Я зачарованно смотрю и плыву в этом звездном небе на своей кровати с подузорником, который связала бабушка Мотя. Такие подузорники, связанные крючком из белых ниток, пришивали к простынке, которую привязывали к

кровати по всей длине, и такие же делали вязаные вставки на наволочках. Как красиво! От них исходит какое-то необыкновенное тепло: тепло деревянного дома, кошки, сидящей у печки на лавке, цветущей герани стоящей на подоконнике и тканых половиков. Они, половики, как огромный разноцветный ковер, покрывают пол полностью от угла до угла, так как зимой очень холодно. Все равно, ходим только в пимах, начиная с конца октября до середины апреля.

У нас ткацкий станок, и бабушка всю зиму тклет такие половики. Я иногда прошу ее разрешения и, волнуясь, с удовольствием забрасываю челнок. Тот летит припеваючи в раскрытом зеве основы. Хорошо, что бабушка ловит его, я поймать не могу, руки еще маленькие, но бабушка показывает, что бросать надо легонько, а не с силой, Потом пытаюсь прибить батаном проложенную цветастую веревочку, но сил не хватает. И опять бабушка, молча, помогает. Веврочки нарезаются из старых платьев, и прочего тряпья. Резать надо по кругу, чтобы не сшивать часто и очень аккуратно, потом их подкручивают на веретене. Бабушка мне все показывает, показывает, но совсем не говорит. Сама она тклет с двумя челноками, в которых разные по цвету веревочки. Вот поэтому половики такие красивые. Но это очень сложно, вырасту и буду такие же половики ткать, а может быть и еще красивее. К тому времени платья мои красивые состарятся, и их можно будет порезать на половики. Бабушка всегда молчит и редко говорит. Только иногда ночью я слышу как они с мамой, лежа на печи, о чем-то говорят и даже

хихикают. С нами они не смеются и не хихикают, в лучшем случае, улыбка мелькнет в уголках губ.

Раннее путешествие по звездному небу не омрачается ничем, ни даже сорока градусным морозом на улице. Я лицом как бы обращена на север, и смотрю с высоты, точно зная, что он, мой поселок, в том месте, где вокруг зелень тайги и справа вьется темно-синей лентой река – наша Обь. Я спускаюсь все ниже и ниже. Вот вижу Томск – большой город, там училась моя тетьа, но я там не была. Я вообще нигде не была, но я люблю рассматривать географические карты. Там, где-то далеко-далеко есть Москва – столица нашей Родины. Это еще в букваре было написано. А как там живут! На картинках в букваре тоже видела: письменный стол, а на нем стоит зеленая лампа. Боже, как я люблю эту зеленую лампу! А еще там книжный шкаф с книгами. Много книг, у нас только в школьной библиотеке столько книг. Вот живут же люди! Я всегда мечтаю о такой жизни, чтобы была зеленая лампа, письменный стол и книжный шкаф с книгами. Это моя заветная мечта, я о ней никому не говорю, а то, все говорят, не исполнится желание. Молчу и только мечтаю. Я мечтаю о многом. Иногда мне кажется, что моя жизнь это просто сон. Вот проснусь, а там моя настоящая жизнь, и она совсем другая, но обязательно с зеленой лампой на столе. Мечтаю я обычно рано-рано поутру, когда полная тишина, а я лежу и в мечтах путешествую по звездному небу. Я, кроме своего поселка, нигде не

была, но страх как хочется поехать хотя бы в райцентр. Я летом чуть не осуществила это свое желание.

Вся молодежь из поселка собиралась ехать в райцентр на день молодежи. Его праздновали впервые, и, говорят, в Москву приехали на этот праздник даже из Африки. Вот в Африку я не хочу. На новогодней елке моя подруга была в костюме – Свободна Африка. Мне эта Свободная Африка совсем не понравилась. Подружке все лицо намазали сажей, волосы накрутили так, что потом она их расчесать не могла, и руки сцепили цепями. Правда, цепь сделали из белой бумаги, как на елку делают, но только цветную. И вот она вышла к елке и порвала эту цепь, и все хлопали, хлопали в ладоши. Нет, я в Африку не хочу! Такой вот молодежный праздник должен быть в Москве. Все, радостные и счастливые, обсуждали этот праздник. Весь поселок просто гудел от этого: девушки вечерами пели песню “Подмосковные вечера”. Я тоже учила слова этой песни. Подруга говорит, что мы еще маленькие ехать на этот праздник. Ну, когда же мы вырастим? Никак не дождусь! Наконец настал долгожданный день. Собирались все около клуба. Парни все в белых рубашках, а девушки, в нарядных красивых платьях, напевают песни, громко разговаривают, смеются. Я тоже в новом платье. Пришли машины. Как только шофер одной машины открыл борт, я быстро залезла и спряталась под лавку. Но кто-то позвал мою тетю, и она вытащила меня из-под лавки, поругала меня и отправила домой. Я шла и

горько плакала. Мне так хотелось в райцентр на этот праздник! Кроме всего, я выпачкала свое новое платье, которое бабушка сшила к Пасхе.

Я люблю праздники. Тогда в школе дают подарки с конфетами. Там есть “Чио-чио-сан”, “Ласточка” и “Пилот”, еще есть “Цитрон”, но их я не люблю, и всегда там – три грецких ореха. Таких праздника только два: День седьмого ноября и Новый год. А вот Пасху в школе не празднуют. Этот праздник только дома все празднуют. Я этот праздник очень, очень люблю. Вечером перед Пасхой я всегда смотрю на заходящее солнце через марлевые накрахмаленные занавески. Его лучики пробиваются через мережку и, узорчатым рисунком, отражаются на стене. Я тоже помогала делать мережку. Как мы были рады, когда удалось приобрести марлю, и сразу приступили к работе: вымеряли, разрезали на четыре части, так как четыре окна, с любовью руками разглаживали каждую и наметывали, и лишь затем делали мережку. И так потом хорошо, что душа радуется. В доме пахнет известью от недавно побеленных стен. На полу чистые праздничные половики. На столе пасхальный пирог и, окрашенные шелухой лука, яйца. А назавтра я просыпаюсь от прикосновения яйца к носу. Нам всем, спящим, мама кладет яйцо к носу. Потом за столом начинают обмениваться яйцами со словами: ”Христос воскрес!” и целовать друг друга. И самое главное – стучатся этими яйцами, чье разбилось, тот проиграл. Брат хитрый, он зажмет яйцо всей ладонью, чуть оставит и говорит: ”Стучи, давай!“ Я хлоп и мое яйцо

разобьется. Потом я тоже научилась, как надо стучать, чтобы яйцо осталось целым. Я же, сидя за столом, все поглядываю в окно в ожидании, когда на бугорок, что через дорогу, прибежит моя подружка. Там, на бугорке, вырыты лунки, и мы будем катать яйца, и скакать в классики. Я, как всегда, не дождавшись ее, выскакиваю первая в своих кирзовых, обильно намазанных дегтем, сапожках. Солнце светит, на небе небольшие высокие облака. Кругом еще лежит снег, но на нашем бугорочке он всегда тает в первую очередь, так как своей покатостью расположен к солнышку. А вот и моя подружка бежит в красивом, с большими цветами и кистями, платке. У меня такого нет, но я о нем мечтаю, и совсем не огорчаюсь, что его нет сейчас. Как говорит мама: "Перед Богом мы все равны, хоть в шляпе с пером, хоть в фуфайке на левую сторону вывернутой". Вот я и не огорчаюсь, рада только любоваться таким платком, и я им люблюсь и люблюсь. А у меня есть шляпка зеленая, правда она для взрослых и старая. Это эстонцы, уезжая, отдали маме, но ее носить можно позже, когда совсем растает снег.

Эстонцы, литовцы и латыши стали уезжать, когда приехал папа, и я еще в школу не ходила. Все говорили, что их отпустили и теперь они все едут на свою Родину. Вот тогда они много продавали вещей, наверное, нужны были деньги. Но у нас денег нет, и мы не могли у них ничего купить. Но вот, когда их сюда прислали, они меняли вещи на зерно, картошку и другое. Мама рассказывала, что выменяла она у них на

картошку себе розовое атласное платье и отцу серый, видеть очень дорогой, костюм. Мамина семья уже десять лет здесь жила, и картошка у них была, а тем, перед войной приехавшим, есть было совсем нечего. Этот костюм все время лежал в сундуке, и я его всегда внимательно рассматривала. Петли на нем обметаны очень красиво, не то, что бабушка обметывает, и с изнанки все красиво сделано. А как карманы сделаны! Просто загляденье! Бабушка шьет очень хорошо, ей заказывают со всей округи, но так она шить не умеет. Очень бы я хотела увидеть маму в том розовом платье, но она его продала. Сейчас у мамы два платья: шерстяное темно-бордовое, с длинными рукавами и плечиками, и одно летнее, и одни туфли. Я мерила и платья и туфли, но мне все еще велико. Но я сзади зажала лишнее рукой и вот кружилась, кружилась, смотря на отражение в окне. Зеркало есть маленькое, я там вижу только голову свою. Когда я косы себе заплетаю, то я хорошо вижу, ровный ли сделала ряд. Когда вырасту, то мне тоже, может быть, купят туфли и бабушка сошьет такое же платье.

Ой, я все вспоминаю, мечтаю, мечтаю и лечу все дальше и дальше. Вот уже и наши деревушки показались среди темного леса, виден дымок и чуть брезжит свет в окнах от керосиновых ламп, электричество дадут позже. А названия у деревень интересные: Чемондаевка, Галевка и Грибневка, Ермиловка, где живет мой дядя. Однажды, будучи у них в гостях, я от радости, что приехал еще один мой дядя,

подбросила статуэтку и со словами: “ Цыган, цыган, дядя Ваня приехал!” разбила этого цыгана. После чего громко рыдала.

Так вот, еще есть такие деревни: Васильевка и Морозовка, Леботер, но это название мне не нравится, то ли дело Чемондаевка. Я сразу представляю большой чемодан или скорее сказочный сундук с коваными углами, у нас такой есть небольшой черный, и я, правда, очень редко, иначе ругают, люблю в него залезть. Открываешь, а на крышке внутри наклеены фотокарточки и моя есть – мы с братом стоим на скамье у печи. Фотография – это так чудесно, ее можно послать родным. Вот и нам присылают фотографии, и я с интересом рассматриваю своих родственников. Вот дед с седой бородой – брат моего умершего деда, он живет в большом городе – Новосибирске. Какое название – новая Сибирь что ли? Вот со звездой – мой дядя, папин брат, он герой настоящий, и звезда у него золотая. Пришел с войны без ноги и его наградили звездой. Ноги нет, зато на груди звезда. И его жену все зовут героиней. А мой папа во время войны лежал в болотах под Ленинградом и очень простыл. Есть такой большой город как Москва, я тоже хотела бы туда попасть и посмотреть это “ Окно в Европу”, так взрослые называют этот город. Так вот, папа пришел с войны весь больной, да еще и в тюрьму попал, а из тюрьмы пришел “ ну совсем сдохля”, как говорит мама. Слышала, что посадили их совсем не за что. Выпившие были и пошли в клуб на концерт, а концерт уже

начался, а они: мамин брат, папа и его младший брат, который ходил в танцевальный кружок, и клуб ему был, как дом родной, дернули дверь с силою, а дверь и слетела с петель. Вот и сидели они в тюрьме за хулиганство, папа аж пять лет на Колыме. Колыма – это далеко-далеко, ну очень-очень далеко. Там все тюремщики живут. Как страшно! Мне папу очень жалко. Он выпьет водки, возьмет меня на руки и горько-горько плачет. Мне кажется, что папа знает какую-то горькую тайну и ему от этого очень больно. Папа у нас грамотный. Он в армии писарем был. Пишет он красиво-прекрасиво! Вот мне бы так научиться писать. Я тоже тогда выросла и была бы писарем. Мама его постоянно ругает за то, что он выпивает с мужчинами у мордобойки. Так мама называет ларек, за которым на больших бревнах сидят мужики и распивают водку с названием “Московская”. Ну почему водка московская, мне не понятно. А на газетке у них нарезан сыр, теперь я знаю, каков он на вкус, а ранее я его никогда не ела, но он такой красивый в чем-то красном и с циферками. Так мне хотелось его попробовать! Я сэкономила долго, по копеечкам собирала, у папы просила копеечки, и вот моя мечта осуществилась – я купила себе кусочек сыра. Продащица объяснила, что красное несъедобное и нужно выбросить. Было жаль выбрасывать, а еще больше жаль, что есть нельзя. Но какое было разочарование, когда я укусила сыр. Вот это было действительно несъедобным! Совсем не сладкий, солоноватый и даже чуть горьковатый. А название,

какое заморское – “Голландский”. Так я его выбросила прямо там у ларька.

А вот еще фотография одних родственников из Сталинобада, звать город Сталина, но, говорят, что он - грузин. А Грузия это в другом месте. Я на карте видела, ведь у нас в каждом классе есть карты и портреты Сталина и Ленина. О, как я Сталина боюсь! Вот Ленина не боюсь, он тоже был маленький с курчавой головой, ну, просто, как мой одноклассник Юрка. А вот про Сталина не написано в учебнике ничего. А потом, почему-то портреты Сталина все убрали в школе? И остался висеть один Ленин посредине, над доской.

Так вот, мама говорила, что эти ее родственники, дедушкины братья, оба вовремя, еще до тридцатого года, все продали и уехали в Ташкент – город хлебный. Но ведь Ташкент не грузинский город. Ташкент – там жара! Когда мама натопит печь, то говорит: “ Полезай на печь, там – Ташкент, грей себе косточки! “ А наш дед не мог поехать, так как был инвалид. Он ноги тянул и ходил на костылях, да и хозяйство его было невелико, а детей, аж семь душ. Ну, куда он с таким “богатством”! Вот только в тайгу и услали с Алтая.

Я часами сижу у сундука и думаю о маме, дедушке и бабушке, которая не по любви вышла замуж за деда, а по нужде. Она из бедных совсем, и была старшая в семье и отчим, когда родилась у них еще, родная ему дочь, заставил мою прабабушку отдать ее. Лишний рот в семье не нужен, вот и отдали мою бабушку в семью к более зажиточным людям. Она была очень красивая: высокая, стройная с глазами небесной

голубизны, а волосы, темные и вьющиеся, волнами укладывались на голове. Взяли ее на кухню помощницей к стряпухе, которая ее научила печь пироги. Ой, какие вкусные бабушкины треугольные пирожки с грибами и двуглазые – с черемухой! Я люблю делать пирожки с черемухой. На маленькую круглую лепешечку теста кладу, перекрученную на жерновах, сушеную черемуху, заранее замоченную в сладкой воде. Потом зажимаю края теста строго посередине так, чтобы образовались два черных глазика. Шанежки – шаньги с картошкой и ватрушки с творогом бабушка делает сама, мне еще не доверяет. Ой, как хочется шанежку! Ой, да это запах вареной картошки чувствуется, видно уже сварилась, и бабушка налила в нее молочка и сейчас будет толконку делать. Открыть глаза – путешествие прекратится, а, может быть, и нет?! Пусть пахнет, глаза открывать не буду и лучше полечу дальше, дальше к моей маленькой родине. Так хочется на нее посмотреть сверху, как с самолета.

Я знаю, что есть самолеты, на них в войну летали и громили немцев. Хотя их я никогда взаправду не видела, но совсем не печалюсь. Мама говорит: “Учитесь хорошо, тогда и мир посмотрите, а если... то – хвосты будите коровам крутить”. Не-ет! Я хвосты крутить не хочу. А зачем их крутить, мне не понятно, но и доить коров я не хочу. Я попробовала однажды. Она как даст ногой по ведру, а ведро упало мне на ногу, я тоже свалилась с маленькой табуретки. Нет-нет! Никаких коров, и никаких дров, которые мама в тайге

заготовливает! Я буду хорошо учиться и выучусь на учительницу. Я люблю играть в школу, Мы с подружкой всегда играем. Я люблю арифметику, но по русскому языку делаю много ошибок, пропускаю буквы. Я уже знаю, что это происходит потому, что в мыслях я быстро мчусь вперед, а рука не успевает за мыслью записывать. Вот у меня и пропуски букв и целых слогов. Но я слышала, что пишут какими-то знаками, когда один, а то и два слога можно заменять значком. Вот бы нас в школе так научили писать. Красота!

Ой, я, то об одном вспомню, то о другом, и никак не долечу, даже в мыслях, до своего поселка. Моя родина здесь, в глухом таежном поселке, где нет ни большой реки, до Оби девять километров, ни маленькой речки, а только течет из тайги по оврагу маленький узенький ручеек. Его можно даже перепрыгнуть. А сколько вдоль этого ручья там огоньков! Это алые цветы похожие на розы с множеством лепестков, но с нежным стеблем. Огоньки только там есть, ближе их нет, но дети туда одни не ходят – там уже тайга. Так вот бежит этот ручеек через наш поселок в Обь и разделяет наши Гривы на МТС и сам поселок. Сделали запруду, образовался большой пруд – плотина. Но он оказался очень коварный. Как много детей здесь утонуло! А одно место со стороны МТС и впрямь лешее. Там столько утонуло студентов из Томска, которые приезжают к нам работать летом. На той стороне даже моя одноклассница утонула. Ой, как

былое ее жалко! А еще жальче ее маму и сестер. Вот горе, так горе! Детям не разрешают родители ходить туда купаться, и мы купаемся на своей стороне.

Как же все-таки хорошо летом! Хотя работают все – с мала до велика. Вот моего брата бывало, еще совсем маленького, сажают на коня, он коня понукает, а тот ходит и утаптывает силос в силосной яме. “Солнце палит, мухи и оводы мальчишку кусают. Жалко! Но делать нечего, надо трудодни зарабатывать” – говорила мама. Сейчас он уже со взрослыми мужчинами работает – на сенокосе. Но мама боится, как бы он не стал с мужиками курить. Табак выращивают все в огородах, потом листья сушат. Мама все над ним строжится:” Не смей курить! Не смей!” Нам же, девчонкам, намного легче, так как мы заготавливаем веники. Прямо за поселком в сторону тракта, который ведет в Коломино, что на Оби, обламываем молодые березки и вяжем веники. Руки от молодой березки все липкие и черные. Нам норма – сорок веников, а если больше навяжешь, то в августе нам в подарок нарезают тесьмы по метру примерно или чуть больше, а уж если очень-очень отличишься, то могут и ленты на два бантика отрезать. Стараемся, ведь так хочется новые ленточки в косички! Бежишь каждый день на работу с одной мыслью: “ Вот навяжу веников, и первого сентября приду с новыми лентами в школу“. И эта радость от мысли так и скачет, и скачет вприпрыжку вместе с тобой.

А в июле уже можно купаться в пруду. Как я люблю купаться! Встаю рано, нарву травы поросенку, а

потом ношу воду из болота для поливки огорода, чтобы за день на солнышке нагрелась. Как я люблю свой огород со всех сторон обвитый тыном, вдоль которого вьющийся горох. Ждешь сначала горох, а потом морковочку, а мак будет только в начале августа, не раньше. Полю грядки, а сама все поглядываю, когда же вырастет морковочка или горошек завьется в стручок. Смотрю по сторонам, не следит ли бабушка за мной. Она знает, коль я в огороде, то уж обязательно или горох выдеру с корнем, или морковку повытаскиваю. Она меня не ругает особенно, но выговаривает. А мне обидно. Но что делать, если так хочется чего-нибудь вкусенького?! Правда бабушка иногда меня балует. Вытащит головку сахара и отколет мне маленький кусочек. И бежишь тогда на улицу, рад-радешенек! Меня в семье так и прозвали – “Чё-нибудь”. Правда, уж больно хочется все время чего-нибудь вкусенького. А мама отвечает: “ Ну, где я тебе возьму это “чё-нибудь”? Ты бы с мое пожила в тридцатые! Тогда лепешки травяные ели да картошку гнилую, да и ту еще надо было по деревням попрошайничать. Кто даст, а кто и нет, а тебе... “чё-нибудь.” Бабушка застывает: “Не ругай ребенка. Ешь, детка, на картошечку и посыпь солью. О, как вкусно с солью-то! А вечерочком хлебушек поджарим на сковородочке. Вот и будет тебе “чё-нибудь.” И правда, где взять чего-нибудь вкусенького, сладенького? Мед будут раздавать только в сентябре, не ранее. За мамины трудодни дают осенью зерно, которое потом мелют на жерновах. А жернова на нашу округу только одни. И там всегда очередь в

сентябре. Тогда будут и пироги дома, а сейчас только хлеб, но я и его люблю. Но я еще придумала: побегу в магазин, встану около прилавка с конфетами и дышу, дышу запахом конфет. Продавщица, моя крестная, возьмет и насыплет из ящика с печеньем крошки. Я довольна не весть знамо как! Но это бывает не часто, только когда хлеба своего нет, и бабушка посылает в магазин. И вот... “че-нибудь“ все хочется и хочется. Вот я и проверяю, как растет морковочка. А она совсем не растет, и когда вырастет?

В полдень надо бежать встречать корову Книжечку. Вот имя у нее смешное! Она красная и безрогая, одна такая на поселке. А молока дает больше всех других коров. Все завидуют! Ох, как интересно ходить встречать коров, особенно вечером, когда наденешь самое любимое платье и мчишься, жаль босиком вдоль нашей улицы к больнице. Сандалии, как правило, к середине лета уже совсем порваны, а новые покупают только к школе. За больницей мы встречаем коров, так как там полстада идут по одной улице, а остальные по нашей – Центральной улице. Вот мы их там и встречаем, чтобы не ушли в другую сторону. На том месте стоят и сеялки и веялки. Мы и прыгаем там: то порулим за сеялкой, то за веялкой, то в догонялки поиграем. Самое главное – платье не порвать!

Наша Книжечка умная, сама поворачивает на свою улицу и идет важно и гордо, не торопясь, домой. Дом знает хорошо, заворачивает точно в наш двор, а то ведь есть коровы, которые вот мечтают от двора к двору.

Я чуть хлещу ее прутиком, отгоняю оводов и, чтобы она шла чуть быстрее. От моего усердия она бежит, косолапя от того, что вымя молоком полно. Быстрее-быстрее домой, уж больно хочется бежать купаться.

На плотину мчишься, аж пятки сверкают. На бегу снимаешь платье и бултых в воду. Берег глинистый, укатанный детьми до блеска, скользкий. Я захожу по горло в воду, а затем ныряю с открытыми глазами и смотрю вокруг. Ой, как интересно! У всех ноги большие, большие! Вода выталкивает наверх, а я ноги подожму и с силою присаживаюсь ко дну, а вода все равно выталкивает наверх. В воде глина, укатанная и скользкая, светится желтовато-коричневым и золотистым цветом, и солнечные блики играют на дне. Как красиво! Но вот ступишь и обязательно поскользнешься, и бултых на бок. И так все, смех да и только! Кое-как выкарабкаются на берег. Потом платье на себя натянешь и стремглав домой по горячей пыли. А дома выпиваю стакан молока да с хлебушком, испеченным бабушкой в печи на капустных листьях. Она вытащит его, и – под полотенце, он еще тепленький. Как вкусно! Выпускаем коров в четыре часа дня, и лишь потом бегом – ловить гольянов.

Гольянов ловим там, где вода вытекает из плотины в ручей через небольшой лаз под дорогой. Детей там много. Все ловят как угодно, большинство в сито, и высыпаем их в любую поклажу. Я хожу со старым бидончиком. Рыбешки маленькие, но если принести хотя чуть больше половины бидончика, то хватит на маленькую сковородку. Вечером бабушка

готовит: потроха – раз! – большим пальцем и, хорошо промыв, на сковородку их, тушить. Такая вкуснятина! Картошка надоедает. Рыба – на в Оби, а у нас – гольяны. Лето проходит быстро. Наступает август, и я уже начинаю готовиться к школе.

Вот обидно, что школьной формы у меня нет. А так хочется! Она такая красивая! И я бы была в этой форме красивая: воротничок белый, платице коричневое и белый передник, бантики новые, ведь обещают их за веники давать, и купят к школе новые сандалии. А передники у меня есть и белый и черный. Бабушка шьет сама, она и форму бы сшила, но ткань купить негде и не за что. Мама говорит, что пальто и пимы надо купить, что это нужнее. А такие красивые платья есть только у двух девочек в классе: Люды и Тани.

У Люды родственники живут в каком-то большом городе. Так ей не только форму присылают, но и туфли и сапоги резиновые. Ой, как бы я хотела туфельки и сапожки резиновые! А кроме этого им, двум сестрам, высылают игрушки. Я не видела таких игрушек никогда. Боже мой! Маленький столик для куклы и стульчики, и шкафчик. У них целых детский уголок и кукла настоящая. У меня только головка, а туловище сшила бабушка, а у них она, кукла, и с ногами и с руками, и глаза хлопают, наклонишь – они закроются, ровно поднимешь – они откроются. Я просто в восторге от всего этого! Я, иногда, когда они пригласят, хожу к ним играть в куклы. Без

приглашения мама не разрешает ходить, говорит: “Надо стыд иметь!” Вот я и имею этот стыд, и к ним без приглашения не хожу. Это только к моей подругке Наде можно ходить без приглашения. Мы с ней живем рядом. И бегаем друг к другу по десять раз на день, как говорят взрослые: “ Вот шныряют туда-сюда эти вертихвостки “ У Люды мама молодая и добрая. А какая красивая! Волосы темные до плеч и вьются. Глаза большие и всегда чуть улыбаются. Она работает в больнице. Когда не было в поселке больницы, то она принимала роды дома. Вот я и мой брат родились дома. Знать мы тоже появились на свет с ее помощью. Мама о ней говорит всегда с большим уважением. При встречах они долго разговаривают, но в гости ходит мама только по приглашению на праздники.

Таня – дочь нашей учительницы. Я люблю свою учительницу. Она красивая, высокая, стройная, волосы уложены короной на голове. Ходит всегда в темно-синем костюме. Она подруга жены моего дяди – маминого брата. Они и ходят в одинаковых костюмах и прически у них одинаковые. Моя тетя курит. Может и учительница моя курит? Я не знаю, но этот вопрос меня мучает. Ведь курить – это плохо. Моя тетя говорит грубовато и властно, а учительница не так грубо и не так властно, но строго. Я ее даже побаиваюсь, тетю свою-то я очень-очень боюсь. Но тетя моя играет на гитаре и они, вдвоем, с моим дядей, поют. Я просто восторгаюсь! Вот мне бы научиться играть и так петь. Они всегда поют такую хорошую песню, там еще слова такие: “ Помнишь, мама моя, как девчонку чужую я

привел к тебе в дом и тебя не спросил... “ Я даже эту песню выучила уже наизусть. Вырасту, куплю гитару и буду играть и петь. Мама говорит, что пальцы у меня тонкие длинные и быть мне гитаристкой. Мама всегда поет за работой. Что-либо делает и поет, поет.

Моя мама очень, очень красивая, но работа у нее тяжелая. Она работает на лесоповале. Это так тяжело. Рано утром встает с “Веригами “, так она называет какие-то звезды, они, наверно, в это время над головой, покормит скотину и уходит. Возвращается поздно. И все из-за своего коня, который последний идет в обозе и приходит в поселок позже всех. Бабушка его, коня, называет Сивым Мерином. Это знать его кличка. Ой, как я не люблю этого Сивого Мерина. Мама приходит уставшая и недовольная, щеки всегда обморожены. Берет снег из кадки и растирает щеки, а то они почернеют, если их не растереть докрасна. В кадке у нас всегда снег. Зимой в доме прохладно и он не тает, только чуть-чуть подтекает. Тулупа у мамы тоже нет. Она в телогрейке – старой-престарой, которая вся в заплатках, поэтому мама ее перевернула на изнанку. Как мне жалко маму! Вот ей еще коня нужно напоить и на конюшню отвезти. Отца просит, а он – ну, не в какую! – не соглашается. Он считает позором водить лошадь распрягать. Он же грамотный, и работает к конторе МТС. Мама, как она говорит, окончила один класс с коридором. Почему с коридором? Да больше ей учиться не дали, и выслали сюда их семью. Но мне строго-настрого наказано, ни с кем об этом не говорить, и не болтать лишнего. На мой вопрос: ”Почему? “, мама

отвечает: ”Уж, больно ты любопытная. Много будешь знать, скоро состаришься, а будешь много болтать языком – черный ворон зацапает“. Черного ворона я боюсь. Он цыплет летом таскает. Кружит, кружит, а потом камнем вниз и... цап цыпочку, и мигом взлетает. Какой же он зоркий! Но как он может меня утащить? Я же все же большая. Если только клювом ударит, да в глаз попадет. Есть песня про этого черного ворона. Эту песню мама поет. Когда она поет, она еще красивее становится. Глаза карие и умные, и во время пения она смотрит как бы в себя, а не на окружающих. Волосы уложены волнами и короной, они у нее черные и вьющиеся, контур бровей четкий, лоб высокий и улыбка чуть-чуть в уголках рта. Мама поет задумчиво и в полголоса: “ Черный ворон, черный ворон, что ты вьешься надо мной? Ты добычи не дождешься, черный ворон, я живой”. Начинает она петь тихо, тихо, а лишь потом громче, как бы ее голос крепчает и крепчает и песня начинает литься. Ой, как я люблю, когда мама поет! Сердце замирает. Это какие-то завораживающие песни. Я ей подпеваю, и мы вместе поем: “ По над лугом зелененьким, по над лугом зелененьким брала вдова лен дребненький”. Поем протяжно, и это так красиво, вот песня закончилась, и мама замолчала. Однажды, когда мне было лет пять, я запела: “ Я помню тот Ванинский порт и вид парохода угрюмый...”. Полная тишина и только мой голосок, я смотрю на маму, а у нее глаза грустные и печальные, и слезы в них остановились. Я не могу понять, почему у нее слезы и чем плоха эта песня: этот порт и Магадан – столица

Колымского края. Подумаешь – она его встречать не придет, знать она другого полюбила. Меня очень тревожит другая песня. Она про мать-старушку, которая к воротам тюрьмы пришла и родному сыночку передачу принесла, а привратник ее не пустил и передачу не взял. Я всегда горько плачу. Мне жаль этого сыночка и еще больше его мать-старушку. Тюрьма эта далеко где-то, а мать долго шла и шла, а она же старенькая и очень устала, неся котомку, а сыночка уже нет. Я сразу представляю ее и злого привратника, вижу ее плачущие глаза, и в них такое горе, от которого я начинаю заливаться слезами. Мама меня утешает и запекает другую, на мой взгляд, веселую песню про чубчик кучерявый, который вьется на ветру. Эта песня про любовь, про красавчиков парней с завитыми губами и с цветками в фуражках. И, конечно же, у них есть дивчины белозубые с длинными косами, аж ниже пояса, а глаза черные и игривые, игривые. Как говорит бабушка, в таких глазах чертики пляшут. Да пусть себе пляшут, зато какие дивчины! Ох, красота! А еще лучше песня про “чубарики-чубчики, калина...”. Я ее очень-очень люблю! Как ее запоют, я сразу представляю, как идут танцевать женщины и за ними мужчины, да с плавным выходом. А потом: то замедляют движения, то ускоряют, и руками прямо – враз! – хлест и в разные стороны. Ох, красотище! Я от счастья сильнее сжимаю веки и, раскрыв их, уже не вижу звездного неба над головой. Чуть брезжит рассвет.

Слышу бабушкины шаги и скрежет ухвата по чугунку, Знать уже вытягивает чугун из печи или наоборот ставит его дальше к задней стенке, чтобы щи лучше утомились. Бабушка меня не будит, знать могу еще полежать, в школу не надо, у нас каникулы. Сестру брат уже увел в детский сад. Сейчас она ходит в детсад при МТС, а летом ходила в ясли колхозные. Я тоже ходила раньше в эти ясли с большим удовольствием. Приходишь, а уже в дверях пахнет пригоревшим молоком. Это манную кашу повариха готовит. Как я люблю эту кашу! Дома такой каши нет. Дома только овсяный кисель, не сладкий совсем, и едят его ложкой из общей тарелки. А здесь, у каждого тарелочка с кашей, и сверху посыпана она сахарком. Вкуснятина! А на стенах в столовой висят какие-то овальные и круглые картины. Только они называются не картины, а по-другому, но я это слово всегда забываю. Картины – в спальне большие-пребольшие: “Аленушка”, ”Три богатыря” и “ Иван Царевич на сером волке”. Но самое для меня желаемое, просто до волнения в груди – попасть на второй этаж. Я быстро съедаю кашу, выпиваю стакан молока, и, выпалив: “Спасибо!“, стремглав лечу туда, громко шлепая ногами по деревянным ступеням. На втором этаже маленькие дети, моя сестра тоже там. Большая часть детей в огромном манеже. Их воспитательница – эстонка в белом фартуке с маленькими рюшами. Прическа у нее очень красивая – чуб изогнут вверх, а внизу волосы закручены во внутрь под косынку, сложенную в узкую ленту, которая перехватывает всю голову. Она уже знает, зачем я

пришла, и, чуть улыбаясь узкими губами и серо-голубыми глазами, подходит к высокому комоду и открывает, стоящий на нем, чудо-ящичек. Боже! Вот и заветная волшебная изогнутая трубка с большой головкой, которую она бережно аккуратно сейчас возьмет и поставит на пластинку. Но сначала она берет блестящую ручку и, вставив ее в бок ящичка, крутит и крутит. И вот начинает литься, какая-то песня не на нашем языке. Завораживающий голос охватывает меня целиком. Я стою с открытым ртом. А она мне, как всегда, говорит: “Это поет наша Милица Корьюс. Запомнила?”. Ее разговор особенный, они все: эстонцы, литовцы и латыши так говорят. А мне очень нравится их разговор. Они важными словами в предложении делают другие слова и ударение в словах не так как у нас. Вот и сейчас звучат главными словами – “это, наша” и “Милица”, а мы бы сделали главным словом “поет”. Я навсегда запомнила это имя. Навсегда! Как она поет! У нас тоже очень хорошо поет Русланова. Все поют ее песни про валенки. Моя соседка, она учится с моим братом, поет все песни Руслановой и хочет потом выучиться на певицу, но вот песни Милицы Корьюс она никогда не сможет спеть. Да она их и не знает. Я, с замиранием духа, вслушиваюсь, и меня охватывает такое счастье, какого я никогда не ощущаю. Я представляю ее красавицей с белыми волосами, и прическа у нее похожа, как у этой воспитательницы, только еще красивее, а глаза необыкновенного морского цвета. Говорят черное море, а мне оно кажется совсем не черным, а зеленовато-голубым. И я

представляю ее с такими, как цвет моря, глазами, и цвет этот сказочный, и поет она, Милица, про какую-то другую жизнь, которую я совсем не знаю, но она есть, и поет так, что хочется слушать и слушать. А слушая, мечтать о такой сказочной жизни. Вот и я свою жизнь в мечтах тоже превращаю в сказку, но я только летаю над лесом, иногда представляю себя птицей и взлетаю высоко-высоко, а потом смотрю вниз и парю в небесах. Мне такие сны часто сняться: я стою на высокой-высокой вершине, а потом отталкиваюсь и взлетаю, а подо мною зеленые леса, голубые ленты рек, и светятся синими глазами большие и маленькие озера. Я просыпаюсь всегда очень счастливой после таких снов.

Я открываю глаза от звука открывающейся двери, и слышно как снег валится в бочку. Это брат уже носит снег. Он роет такие пещеры в снегу и лопатой вырезает брикеты из снега, который уже хорошо просел и утрамбовался. В огороде такая большая пещера! Ведь за водой на плотину ходить далеко. Вот и носим снег в кадку, а он посредине сверху тает, зачерпнешь его ковшиком и, даже, можно попить, хотя мама ругает. Несмотря, что в доме снег, а сейчас тепло – только протопилась печь, а к вечеру будет уже прохладно, но можно залезть на печь и погреться.

Летом у нас печь на улице. Сложена она из кирпичей, с плитой и высокой дымовой трубой. Все готовим на этой печи. Но мне больше всего нравится, когда там обжигают кедровые шишки. Ждут, когда

печь совсем прогорит, потом угли в сторону, и засыпают шишки. С нетерпением ждем! Вот брат кочергой выгребает, на его взгляд, уже готовую шишку и на травку ее. Чуток ждем, а потом хватаем, а она еще горячая. И вот ее с руки на руку перебрасываем, чтобы поостыла, да и руке жарковато. Ох, как невтерпеж! А орешки щелкаешь, они тепленькие. А какие вкусные! Наготовим на зиму много и потом вечерами, сидя всей семьей за столом, щелкаем орехи. В тайгу за шишками мы ходим гурьбой. Взрослые ребята, как мой брат, идут с деревянными колотушками, которыми будут бить по кедру. Девчонки несут мешки, в которые потом складывают все обвалившиеся шишки.

Мы ходим по дороге в сторону культстана. Раньше, мама рассказывала, что там и ночевали, так как в полях работали с раннего утра до ночи и были под комендатурой. Это слово мне малопонятное, но я знаю, что это надсмотрщики, которые следят, чтобы никто не убежал. Рассказывали, что некоторые убегали. Вот мамин старший брат тоже хотел убежать, но его догнали уже в Могочино – это около Томска. Повезло, что его, дядю, не угнали в Васюган. Говорят там такие болота, что надо ходить по одной тропиночке, чуть в сторону, засосет мгновенно. Страшно! Погибель! Но дядя все равно погиб на войне. Похоронка бабушке пришла. Знать такая у него судьба! Мама рассказывала, что в войну все гадали – придут ли с войны мужчины живыми. Мама тоже гадала. У мамы всегда выходило, что отец придет, а ее этот брат не вернется. Бабушка

очень на нее обижалась. Но мама же не была виновата, что у нее так получалось.

Теперь колхозников работать в поля на телегах и везут, и привозят. Я люблю слушать вечером, как только солнце начинает заходить за горизонт, песни возвращающихся с полей колхозников. Поют слаженно, красиво. Мама говорит, что без песни не проживешь, что с песней дело спорится, и в голод песня спасала. Ее отец в тридцать восьмом году умер от голода, но перед смертью даже пел и пел, и, спев последнюю песню, “ Кончил, кончил курс науки, в дом родительский попал...”, умер.

Как страшно умирать от голода. Дед весь свой паек хлеба, который выдавали на день, делил на детей и бабушку, так как она кормила грудью маленькую мамину сестричку. От голода он распух и умер. Я его никогда не видела, а вот папиного отца, моего деда, я видела однажды. Но мама говорит, что этого не могло быть. Так как мне было только годочек. Но я отлично помню, как в дом вошел дед в черном тулупе, и внизу быстрехонько стал расстилаться белый морозец. Я смотрела на него сверху, знать меня держали на руках. Мое подробное описание комнаты не переставало удивлять маму, так как действительно дед был проездом и даже не снял тулуп, который заехал только на меня посмотреть. Дед жил в райцентре. Мама все время удивляется, говоря, что в таком возрасте не могут дети помнить. Однако я описывала старый дом, из которого мы переехали, когда мне был один год. Дед больше у нас не был и вскорости умер.

А вот умирать страшно? Наверное, в земле им страшно: темно и сыро. Но ведь, говорят, души улетают к звездам, если человек живет по-божьему: не ворует, не врет, не дерется ни с кем. Вот я хочу жить по-божьему, чтобы потом улететь к ним. А сейчас я опять закрою глаза и вновь полечу к звездам. Говорят, что запустили искусственный спутник Земли, который летает вокруг Земли. Все, с наступлением ночи, выходят на улицу и пристально всматриваются в небо, а – вдруг! – увидят этот спутник. А я полечу сейчас в мечтах к звездам, и, может быть, увижу этот спутник.

– Ты не спишь, а почему не встаешь? – спрашивает бабушка.

– Я думаю. – Не открывая глаз, я отвечаю ей.

– О чем тебе, милая, думать!? Вставай, пойдем тепленькие шанежки с молоком есть.

.....

Счастливившим временем в волне жизни таясь,
Как след ушедшего бремени, память живая вилась.

Часть вторая

В рассвете дня рождалась сердца память

*“О память сердца! Ты сильнее
Рассудка памяти печальной”*

К. Н. Батюшков

Сибирь... Расцвет воспоминаний: пылал восток в рассвете дня, морозный иней на ресницах и изб замёрзших трескотня, при разговоре пар клубится... (То явь иль сон под утро снится?). Померкла ночь зимы в лучах пылающего диска, мгновением пронеслись весны в цветении картины, и... совсем близко пред взором лето пролетело, и вот уже осенний тёплый день струится в душу, и золотится солнца луч в листве.

Звонит, звонит в свой колокольчик истопница Нюра. Она еще с времен войны работает при школе. Чудна, живут при ней собачки прямо в доме. Я со своей подружкой Надей, живущей с нею по соседству, однажды глянули в окно. О, как же было нам смешно, что те собачки барахтались в ее кровати. В деревне так не заведено! Для собак есть будка во дворе, где спят они, а днем, на радость сельской детворе, вольготно носятся в округе. Собак таких у нас в поселке нет. Совсем уж маленькие они, и на коротких косолапых ножках. Она своих собак на улицу – ни-ни! – не шагу! И так живут они при ней. С

собою привезла, как говорят в округе, была богата, были слуги у нее в той, прежней жизни.

Звонит, звонит в свой колокольчик Нюра, Ура! Урок последний и мигом по домам. Сегодня пятница, а завтра уж суббота, и... выходной.

Учусь уже я в пятом классе. Как выросли за лето все! Значимость взрослости у каждого в глазах мерцает приглушенно. Но... зычность колокольчика – вмиг! – превращает в пляшущую радость то, еле видимое, молчащее мерцание в глубинах глаз. И громко хлопают все крышки парт, покрашенных за лето вновь в смолисто-черный цвет. О, этому красителю замены ... просто нет! Но я люблю и школу, и наш класс, и черный цвет доски и парт; люблю я книги, новые тетради, где красные поля, и...на доске красиво, выведенное... кем-то, "...сентября". А числа подставляют позже. Не каждому доверяют написать долгокрасующее слово. Мне – никогда! – я все же не в унынье. Я радуюсь лишь от того, что мной желанный день настал. Его ждала весь август, несмотря, что лето провела отлично: была в гостях, у родственников в городе, но там мне не совсем привычно, хотя там был отец. Лежал в больнице, он очень болен со времен войны. И водку пить ему совсем нельзя. Но что же делать, когда друзья, по этой вот бутылке, не дают покоя? Пьет день, потом второй, затем неделю целую лежит совсем больной. Бухгалтером работал ранее, но вот

полгода без работы, и по больницам все лежит. И маму уж довел до помрачения ума. Какое мрачное значение несет та водочка сполна! Здоровье пропивают мужики, страдают от того и женщины, и дети.

Гостила в городе недолго. Там живут папины два брата: старший Александр и младший Константин. У старшего – одна лишь дочь Людмила, взрослая совсем, и с кавалерами гуляет вечерами. Но, думаю, что мать ее не знает, а то задаст “под первое число”. Людмиле надобно готовиться в учении для поступления в институт. А тут прогулки вечерами! И зорко мать следит за ней, единственной дочерью своей. Но мы же хитрые девчонки! Она вот скажет, что пойдет со мною к дяде Косте, там маленькая доченька у них. Сама до сквера, где синяя вертушка при входе, доведет меня и говорит: ”Беги одна!” Я понимаю эту хитрость! Но как же быть ей, коль хочется до тления в груди сходить к подружке, рассказать секреты и сокровенное излить. А мать ее... строга уж очень! Как глянет – прошибет до самых косточек и... сердце – в пятки. Я ее боюсь. Как жил у них, и даже месяцами, мой брат, наш Юрочка? Ума не приложу! И... вот что я скажу, что больно тих он и мне совсем неровня, хотя мы кровно, с ним, родные. Мне кажется, что страх внутри его живет и это от того, что в строгости он подолгу бывал. Поэтому Перфильевну боюсь я очень, и целыми днями, в основном, гуляла с бабой Таей. Ходили с

ней к больному папе, в магазины: белый, желтый. Так называют их по цвету, в который выкрашены они. И к лету, скорей всего, их заново все красят. Красивые стоят!

Неделя пролетела мгновенно. Меня на пароход шли провожать и бабушка, и дядя Саша. И вот опять я по Оби плыву вдоль зелени тайги на берегу, каких-то деревушек и маленьких совсем избушек стоящих сиротливо в стороне. И я... довольна путешествием вполне! Все расскажу потом подружке Наде, а может, запишу в тетради про пароход, каюты, палубы первого и второго класса, про трюм и жаркое-прежаркое железо, к которому нельзя и руки прислонить. Но чуть поодаль спокойно можно проходить, и даже хорошо, что вечером, когда зашло уж солнце, и холодно на палубе стоять, здесь совсем тепло. Пока все в памяти свежо, про город расскажу ей, про Колпашево.

Как быстро лето пробежало! И вот сентябрь на дворе. Осенний первый месяц золотом листья уже укутал лес. Но солнце все еще с любовью светит и теплотою согревает крыши домов, кустарник вдоль заборов, жухлость картофельных рядов на огородах и подсыхающий картофель в поле. В подмогу долгой зимней доле погожие осенние деньки! Они – наградою морозным, лютым дням.

Звонит, звонит в свой колокольчик Нюра. Ура! Закончился урок. В портфель сую дневник, тетради,

книги, а вот чернильницу буду нести в руках. Вдруг – разолью! – труды тогда зазря. Все опрометью – враз! – из класса. Лишь на доске в сиротстве остается надпись: “Одиннадцатое сентября”.

Спешу быстрее домой. Уж больно день хорош: и солнце, и тепло, и легкий ветерок шумит в листве берез. Ох! Побежать бы под откос в наш лог, собрать последние осенние цветочки и вспомнить душный день, прохладу ночки, купанье в маленьком пруду колхозников, вернувшихся с полей. Какая жалость! Лето пролетело быстро и вот уже снимаем урожай. Нам с братом надо выкопать картошку.

Мама, уставшая от всех работ в колхозе, придет лишь к вечеру. У нее забот полно: скотина, дети и еще картошку засветло убрать. Клубни на огороде подсыхают, потом ссыпаем их в мешки и носим в дом. Рассыплем на полу, и сушатся они до время пока не высохнут совсем от влаги. И.. это бремя несет она одна. Но что там наша помощь! Отец опять лежит в больнице у нас в поселке. Запил еще с июля и... вот... он результат. “Лишь пить здоров!” – во гневе кричит мама. Ей тяжело одной вести хозяйство, и каждый день в колхоз бежать за трудоднем, а он лежит, лежит и с каждым днем ему все хуже. Кто виноват? Конечно же, судьба! Она отмерила обоим: отцу и маме с лихвой и горя, и печалей, когда в бездолье души их кричали, изнеможенные сполна.

Бездолье наступило разом! Шел тридцать первый год, когда пред Пасхою – на Свято! – пришли к ним brave “ ребята”, перевернув всю жизнь им ... наизнанку! И вот течет она вдоль лиха спозаранку уж не один десяток лет. Ведь маме было чуть больше десяти, когда из школы выгнали моментом. (Без всяких... этих сантиментов.) “ Ты – враг народа!” Вот и точка! И по Оби спустили, словно бочку, как в сказке про царя Салтана.

Коломино, что пристань на Оби, всего лишь в километрах девяти от нашего теперь поселка, была первым пристанищем для них, всех названных тогда переселенцев. В действительности – ссыльные они ж! На берег высадили их, без крыш оставив над головой под глинистой крутой горой без пропитания и одежды. Почти что все забрали вещи, лежали кучами они на берегу. И как же конвоиров совесть-то не мучила, когда последнее уж рвали на ходу из рук мужчин. Дед крепкими руками держал одежду бабушки моей и не отдал любимой парочки ее. Так называли кофту с юбкой, сшитую с добротной ткани. И... по рассказам мамы, по швам лишь треснула она.

Под той горой толпился люд голодный, нищий. И выли женщины с детьми – сплошь! – на руках. И... норы рыли... в той горе мужчины, чтоб кое-как спасти младенцев. Какой страх! Хоть на дворе был май, но он холодный, и не спасал палаточный брезент от сквозняка. Он – насквозь! – мелкой дрожью,

ознобом проникал в тела. Те корчились от боли страха, нервно сжималась вся людская плоть. И... гнулась под ногами плаха от казни жизней. Вот он – прах! – любви прах, и веры, и отрады всех прежних чаяний, надежд... на долю лучшую в награду труду людскому. Боже, ааааах!

И... вот... все изможденные они карабкались на гору сыскать травы съедобные листки, чтоб заморить желчь голода на время, пока властями будет решено, куда везти... их дальше. Но в тайге лежал еще местами снег. Всем было невдомек – весна здесь наступает позже. Семей там было много, и плач детей голодных рвал души каждому на части. А в маминой семье кроме нее четыре брата: младшему отчасти только три, а старшему – семнадцать лет, средним; тринадцать и пяток. Ох, им бы что-нибудь глоток! Умрут же дети! Вот Сашенька, совсем младенец, уж помер по дороге на это новое житье. Пред этим снился маме сон, что друг за дружкой, по тропинке, они идут среди огромного болота, и маленький идет, хотя в действительности он грудничок. Потом – вдруг! – на бочок, и стал тонуть. Пока туда-сюда его уж поглотила болотная вода. Какой же вещий был тот сон!

Дед наш – инвалид, он тянет ноги. Еще в семнадцать лет их отморозил. Лечение требовало многих денег, но,... увы! Калекою остался на всю жизнь, но в жены взял красавицу Матрену – сиротку из семьи города Камня. Ох, слезная история та... давняя! Прадед наш, Афанасий, привез ее в

помощницы к своей стряпухе. И наша бабушка Матрена жила в семье у них с одиннадцати лет. В четырнадцать – стала женой Ивана. И, как гостем незваным, в жизни стала та линия ее судьбы. И родила она четырнадцать детей, но выжили лишь семеро из них. Все умирали в раннем детстве.

Неделю лишь спустя, а может дольше, всех стали вывозить – кого куда. Их повезли вглубь, в самую тайгу, где вековые ели, сосны, да только что сколоченный сарай из сырых досок, да в основном – горбыль, и с нарами вдоль стен. На каждую семью, а их было семнадцать, по метра два так отвели... на нарах тех. Не густо метража! Если учесть, что семьи все большие, где дети мал-мало меньше. Но рады были этому вполне после скитаний, мытарств по дорогам. Есть было нечего и нечем. Давали грамм по двести хлеба да соленым-соленую горбушу. Расстройством живота страдали сплошняком. И началась инфекция кругом. Болели смрадно, и с каждым днем всех лихорадило от жизни этой.

Вскоре стали нарезать всем по участку леса... в тайге, – всем высланным! – где сплошь валежник сосен, елей. И в удивлении мама по сей день: “О, как же мы сумели раскорчевать тайгу. Потом построить все жилища, вспахать поля в тайге непроходимой! И стал с тех пор нам край этот – родимый. На долго ли?” Тогда же каждая семья рубила лес и корчевала, вычищая место для землянок. И к осени перебрались

в свои “жилища” почти что все переселенцы. Какое счастье! На земельных ложах высохшие травы, ветви и на две трети то жильё в земле, лишь чуть снаружи – из бревен рубленных. От ветра явною защитой жильё то было, Но кроме ветра же дожди бывали, а зимой метели. ”О, как же вы не околели в своих лачугах этих?” – все задаю себе вопрос. Ответа нет. Возможно, Господу была угодна ваша жизнь и жизнь сих мест, коль не заслуженно несли вы этот крест?!

А в Хабарах, откуда мама родом, у них был новый выстроенный дом, и дивной краскою все выкрашено в нём: и пол, и потолок, и... “Светятся они друг в дружке как в зеркалах. О, красотище!” – вспоминает мама. Хозяйство было небогато, но все ж пяток коров и овцы, две лошади, телята, но главное в семье – то сыновья – ребята! – аж пятеро у них и лишь одна вот дочка – мамочка моя. Она всплакнет, вздохнет и выдохнет мгновенно. Ей верно тяжёлы воспоминания в сравнении с жизнью нашей. Я же не грущу; той, их жизни, я не знаю. Люблю свою: свой дом и огород, и школу, мою семью – сестер и брата, хотя живем мы небогато, но я вот счастлива вполне. Сейчас приду домой, поем, запью все молоком, а потом пойду копать картошку. И, вероятно, эту работу сегодня завершаем, уж с братом неделю целую ее копаем. Ох! Радость чувствую мою, когда последнее ведро с картошкой унесу я с поля. Вот заверну сейчас у сельского совета и выскочу на улицу свою.

Солнце печет в глаза, когда в него я глянусь. Из глаз моментом побежит слеза, но руки заняты, и не смахнуть. Она легонько холодит мне щеку. Я всматриваюсь вдаль по всей дороге и вижу: свой дом и прислоненные к забору новенькие доски, у калитки брата, еще пару мужчин. И... понимаю, что не без причин они толпятся возле дома. “Отец наш умер...” пронеслось как эхо.

Умер отец, но он же молодой, ему всего лишь тридцать семь?! То голод, то война..., он... не пожил совсем! Какая горькая судьбы досталась доля: прожить всю молодость в неволе, в войну лежать под Ленинградом в болотах – в сырости! – не день, а уйму дней и заболеть, и... не дожидаться светлых дней. Живем мы будущим и греемся надеждой, что пробегут несносные года, день ото дня не будет прежним, в достатке будем жить тогда – потом! И... будет эта жизнь прекрасна! Мы с верою живем же каждым днем – всегда! Ах, папа, как жаль, что умер ты так рано и... не увидишь никогда... той – обновленной! – жизни.

Отец, твоя семья с лихвой хлебнула горя, не меньше маминой, я знаю по рассказам. Вас выслали с Шабанова весною и повезли в Кольчугино, а далее до Томска – в товарниках, в которых перевозят скот, лес да уголь, затем на баржах, в трюмах по Оби до устья реки Чаи. Немым отчаяньем выли старики, скрестив трясущиеся руки на груди. Печатью – сырости! – те дни остались в лицах.

По той реке таежной катер тянул баржу до Усть-Бакчара. А далее в глубинную тайгу по речке Парбиг мужики, как на картине “Бурлаки на Волге”, тащили вещи на баркасе. Затем осели среди тайги и даже завелись хозяйством, купив на два двора одну корову. Дед Николай ваш был отчасти рад. Прожив в степи, не видя столько леса, а до работы был охоч, все заготавливал дрова, что было мочи. А детям было все это в новинку, лишь иногда ломило спинку от тяжести охапок дров переносимых, метания сена в округлые стога (захочется ж зимою молока!). Их этот труд не утомлял, а утомляли летом комары да мошкара, которые уж с самого утра, пища, нахально, лезли в нос и уши.

Вас было трое братьев. Старший – Александр потом, в войну, прославил всю вашу семью своим героизмом на полях сражения с немцами и получил Звезду Героя за переход Днепра. Но только оторвало ему ногу, такой судьбой даны ему в подмогу... два костыля. Величественно он несет – как орден! – крест судьбины. И все, живущие окрест, с почтением к нему. И... мы горды! Еще бы! Дядя наш – Герой СССР, один на целую огромную округу. И... ты, отец, заветнейшему другу рассказывал о нем. О том, что в детстве вы играли в прятки, и, что еще с тех пор, отчаяния задатки в нем сокровенно жили, и... результат... всем налицо!

Жену его зовут все героиней. Она, я думаю, гордится этим больше, чем он, заслуженный почета за отвагу. И подвига сего охранную бумагу она

хранит в заветном месте. А он, отчаянный по сей день, навеселе – с лихвой! – катит на трехколеске по городским дорожкам-закоулкам.

А младшенький твой братик, Костик, теперь зовется Константин. Добрейший человек, я ж этим летом гостила там недолго. У них дочурка родилась, забавное создание. Прошу: “ Дай ручки!” Она же тянет ножки и улыбается всем ртом. Да сам ты видел! Ты же был у них в гостях. Теперь вот в гости не поедешь, не будешь с нами говорить, и... водку пить не будешь. А как же пил! Мне кажется, что ты от горя ее хлестал стаканом цельным. Помню, сидя за столом, где лишь одна бутылка водки, ты, держа стакан с прозрачным питием, позвал меня. И, на худющие колени, усадив, прижал к себе, потом заплакал горько, горько. Я поняла, что ты в отчаянии, мне стало жаль тебя. В сплошной печали сжались твои дрогнувшие плечи, и на мой лоб слеза твоя скатилась. И... та слеза поведала мне тайну, которую хранил глубокий взгляд. Как полон таинства народностей обряд, так та слеза твоя была полна трагичным знанием сего мирского мира.

Папа, ты ж был умен, и тебе, пожалуй, нет ровни на селе. Сгубил тебя злой змий бескровный и подчинил себе. Как часто мама тебя ругала, добра желала. Ты же – “нет!” По-своему хотел прожить: с водой хмельною – молчком! – ругая этот Свет.

Вы с мамой поженились, в самую войну. И жили вместе в маленькой хибарке с отцом и матерью твоей,

да с младшим – Костей. А после, когда в сорок четвертом тебя на фронт призвали, мама ушла к своим жить. Там родила и Юрочку она. На внука пришла посмотреть и баба Тая и со словами: “ Уж не знаю, но больно он похож вот на Петра”. С тех пор любимый он внучок, а остальные так – промежду прочим! Я – вот... очень не огорчаюсь. Меня же любит баба Мотя. И с братом из-за этого не спорю. Какая в том причина? То – пустяки! Вот ваши, взрослых, споры – это, да!

Как часто спорили зимою, вместе собравшись за столом, когда лепили дружною семьею пельмени на обед. Ты иногда вставлял лишь фразу, но только сразу начинался шум и едкий говор. Высказывались мигом – разом! – все взрослые: Аркадий, муж маминой сестры, она сама и мама.

В молчании лишь сидели бабушка Матрена, да я и брат. А... мои ушки – нараспашку! – ловили каждые слова, они мне помнились надолго, о них в народе шла молва: Хрущев и Молотов, и Каганович, да Маленков и Берия. Затем... лишился кто-то вот доверия, за что-то держит строг ответ. И... вспоминали Сталина, а Ленина – вот нет.

Великой спорщицей была же тетя Зина, доказывая мнения свои, что только верные они, ее суждения. А раззадоривал ее – изрядно! – муж Аркадий. И долго, громко спорили они. А мама, едкие, но меткие слова произносила с горечью всегда.

Ты иногда вставлял лишь фразы спокойным тихим голосом своим. Таким тебя я буду помнить долго.

Я еле волочу портфель и ноги. От дома, чуть поодаль, стоят дроги. Брат на кресте ножом уж вырезал три слога фамилии нашей. (Так и остался крест, как с именем, стоять на кладбище потом).

С порога мама мне сказала, что я должна скорее к бабушке бежать, поесть, потом кого-то ждать. Наверное, сестру забрать из сада. Но... как-то все кругом в тумане. А может... все это в обмане сна? Нет! Четко вижу брата, Он молчалив, с понурой головой, Бог мой! Теперь же на него все свалится заботы. Как ни было, но папа, был же папа – глава в семье, хоть правила всем мать. Теперь же Юрочке за все же отвечать. Он сумрачный, в растерянности ходит туда-сюда, не зная, чем занять опущенные, словно плети, руки. Мне жаль его. И ... я до бабушки бегом, бегом!

Для скорбного прощания с бранным телом прекрасный срок отвел Господь – и небо было чистое и ласков ветерок. Так знать отец – Всевышним! – был любим!? Вот еле-еле тянулись в гору дроги. За ними шла наша семья, соседи с улицы, а по дороге примкнули все его друзья. Когда спустили гроб, сказала тихо мама: “Бросайте, дети, горсточку земли”. И... принимала скорбь ту яма – последнее признание в любви. Никто не плакал, только серость в лицах и неподвижные глаза, опущенные вниз, к

земле, в молчании говорили: ” К себе, к себе пошел домой, а тут он был всего лишь гостем. На краткое мгновение пришел в сей мир людской”. Вдруг... всколыхнул березку ветер, и листьев шелест, еле встретив, прощальной мелодией запел в листве.

.....

Звонит, звонит в свой колокольчик Время. Лишь в памяти отчетливы следы ушедших лет; их брамя из души уплыло безвозвратно, но... иногда... тревожит горечь их примет.

Часть третья

Я завиточком вьюсь в жизни памяти

*“Поэтическое восприятие жизни,
всего окружающего нас – величайший дар,
доставшийся нам от поры детства”*

К.Паустовский

Дзинь-джинь, дзинь-джинь ритмически поет пила, внимая нашему усердию пилить дрова. Мы с братом вечерами распиливаем бревна. Ведем тихонько разговор о том, что на зиму – надо готовить дрова летом: пилить их сразу, потом колоть по мере сил ему. Ведь больше некому! Один у нас мужчина! Сейчас морозно на дворе. И... в этом – главная причина готовить загодя дрова, не в декабре.

Ох, изнурительна работа эта! Мы, утомившись, отдыхаем, смотря на полную луну. “Слышь, совсем я не пойму, глянь на луне два мужика: один вот вилы метит всадить другому?” А брат в ответ: ” Ха-ха! Скорей всего, наверняка, там горы, высохшее море и река. ” Мне как-то это не совсем понятно, но я поверила ему. Он старший брат и больше меня знает.

Декабрь, любимый мною месяц. Уж Новый год не за горами! Мы, сидя за большим столом на лавках, раскрашиваем старые тетради, чтобы потом игрушки елочные делать. И, из цветной уже бумаги, мы делаем фонарики и цепи. Игрушек настоящих у нас нет. Вот от чего люблю я елку в школе, которая усеяна дождем и бусами, и разными шарами, поэтому так Новый год мы ждем. Там интересно, будет маскарад. Во что я наряжусь? – Еще не знаю. Хочу быть осенью или зеленою весною. А Надя, моя верная подружка, будет точно – молодою и независимою Африкой – уже не первый год. Ей предложили в школе. Она и согласилась. Вот я бы...никогда! Чумазой сделают и цепью обовьют. Потом, как только она выйдет к елке, то цепи те порвет. Они бумажные и белые. Подружка сделала уж их. А что там делать? Это ж не цветные, когда заранее готовим все листы. И спутника Земли кому-то делают костюмы, не одному, в секрете все они. Сюрприз готовят, поэтому не многословят. Ведь запустили их уж два иль три, вот точно я не знаю. Вот бы их увидеть, летающих вокруг Земли!

Люблю я Новый год и Рождество, загадывать желания вечерами, ходить и славить. Может от того, что старые предания, рассказывала бабушка, и

интересны, и страшны. Ведь говорят, под Рождество лишь снятся вещие нам сны. Вот и гадаем мы по вечерам, а утром мама спрашивает: "Что снилось?" А я не помню. Как обидно. А мама говорит: "Знать видно, гадать тебе еще не время!" – и улыбнется. Она так редко раньше улыбалась. А сейчас, вот после смерти папы, она смеется даже иногда. Хотя, казалось, это же беда, что умер папа. Но, мама успокоилась, нас чаще навещают бабушка и, с доченькой своею, тетя Зина. Да зачастую, по выходным, у нас веселье – сборы пионеров из класса моего. Мы дружно лепим все пельмени, их мама варит на печи. Все с удовольствием съедаем и мчим на улицу играть и в прятки, догонялки, и долго носимся в округе. Как любят все мои подруги и даже мальчишки из класса к нам приходиться по этим дням!

Дзирк-джирк, дзирк-джирк, дзирк, дзирк, дзирк... "Ну! Что, сестра, устала или опять мечтала невесть о чем? Давай, еще немного, а там и... до порога недалеко. Ну, тяни пилу!" – промолвил ели слышно брат.

Мечта! Мечтать любила я всегда, а теперь настала вот пора, что я мечтаю редко. Теперь я – старшая сестра! И мама мне сказала, а младшеньким вот приказала: всегда им слушаться меня и брата. Мне ж строго-настрого – наказ: беспрекословно послушной ему быть. А вот теперь я так устала, что хочется мне ныть. Хочу домой, погреться у печи и тепленькой бы съесть картошки, там, на шестке, осталась еще в плошке. Хотя я знаю, мама нам наварит свежей, а может быть и сделает картошку с поджаренною корочкой в печи, такую вкусную толчонку, ведь надо же кормить девчонку. Танюшке

скоро два, она совсем малышка, ей надо молока. Но стельная корова, ее уж запускает мама, и мало молока теперь. Вот достается только по чуток сестричкам, они немножечко – с глоток! – им запивают пищу. Мы, старшие, все это понимаем. Не просим даже, даже не страдаем. Днем, пред школой, едим, поджаренные утром в печке мамой, кусочки хлеба. О, как вкусны они! Все съеденное запьем мы кипятком, забеленным чуть молочком. На радостях затем бежим учиться.

(То быль иль явь, иль это только снится?)

– Отбой! – с усмешкой брат сказал. – Закончили работу, давай закатим эти чурки к стайке. Их пару расколю, поленья в дом внесем. Пусть подсыхают до утра. Дрова хорошие, здесь даже можно выбрать для лучины и заготовить впрок.

И слова брата для меня как тот урок, с вниманием слушающий мною. Мне четко ясно, что знания получаем не напрасно. Жизнь велика все пригодится, и смолоду всему надо учиться. Вздохнув, смотрю я на луну, а небо чистое такое, ни облачка округ.

– Юр, глянь на небо, звезды так мерцают! Давай посмотрим, а вдруг и спутник пролетит, Он тоже так сверкает, как эти звезды?

– Скорей всего, что да.

– Смотри, какая ночь! Иголки собирай! Как под ногами снег скрипит! От сельсовета кто-то в нашу сторону летит... бегом аж, слышь?

– “Слышь-слышь”, слышу! Ну, посмотрела, хватит! Давай в сарай закатывать дрова!

Чирк-чирк, чирк-чирк, и слышно как трещит лучина. Как радостно! Не беспричинно затапливают рано печь. На днях же Рождество! И мама с бабушкой сегодня будут печь все вкусности на этом свете: пироги с грибами, с картошкой, сушеной ягодой – смородиной душистой пирожки, творожные ватрушки и с молотой черемухой завитушки. Наша бабушка так хорошо все выпекает, и даже все в поселке знают. Мама говорила, что она пекла на праздники, которые отмечали раньше в клубе все три колхоза вместе: и День седьмого ноября, и Конституцию, а, главное, день Выборов. Какие были торжества! А яства-то, какие были на столах! Почти за месяц начинали лепить пельмени, их замораживать и бочки ими наполнять. И пекарь каждого колхоза старался превзойти соседа, и мастерством всех удивить, чтоб слыть в народе лучшим. Но нашей бабушки творение отмечали хором: “ Печенья! Нам серпуховского печенья! Печенья!” И... “Сerp”, колхоз наш, славу обретал среди соседних – “Родины”, ”Культуры”.

Ох, бабушка, ты просто мастерица! А как ты ткешь и шьешь, к тебе бегут со всей округе, не только верные подружки твои. Вот я хотела бы научиться всему: и шить, и ткать, вязать и вышивать. Ой, жизнь большая – научусь всему, а пока... Как люблю я Рождество и елку в доме! Когда вот пахнет от нее смолой и хвоей. Как хорошо!

А помнится, на Рождество у тети Зины была свадьба. С Аркадием они после поста женились. Мама с отцом на свадьбе появились с клеткою, которую с любовью смастерил отец. А в ней петушок да курочка. И со словами: “ Вот вам парочка, пусть не баран да ярочка. Не дорог подарок, дорога любовь” –

они вручили им этот подарок. Как было интересно! Там, на свадьбе, прямо на пол бросали деньги, куда попало, а тетя Зина все в кучку заметала их. Все поздравляли и громко пели песни. Но всех чудесней все же песня дяди Коли: “ Помнишь, мама моя, как девчонку чужую я привел к тебе в дом и тебя не спросил. Строго глянула ты на жену молодую и заплакала вдруг, нас поздравить, забыв, нас поздравить, забыв”. Ой! Как я люблю слушать, когда они, вдвоем с Полиной Семеновной, поют эту песню.

После Рождества крещенские морозы как всегда наступят. И на Крещение, прямо в этот праздник, родилась Татьяна. Два годика ей будет. Уже большая, но, слава Богу, еще не знает, что такое “бедокурить”. А Валечка... – вот это вот беда! Все понимает, но уповает, что ей простится как всегда, как ранее, при папе. Она его любимица была. Ей дозволялось многое. Нас, остальных, он, в основном, не замечал. А брата даже и бранил, но, думаю, за дело. Он нехотя учился. А мне же без предела все за обедом делал замечания: “ Не заскребай! Коль не наелся – не налижешься! Ты это крепко знай”. А мне обидно! Любила я поджарки картофельные на сковороде, но их так мало доставалось мне, что я скребла. А он ругался вечно на меня. А Таню на руках и дня он не держал. Он к ней совсем был равнодушен. Из всех он только Валечку любил. Частенько все вот говорил, что будет самую счастливою она, Господь пошлет удачи ей сполна. И, наклоняясь, он целовал ее в макушки, их у нее аж две как две “подружки”. Так вот она все бедокурила всегда. Еще тогда, когда была совсем мала, сидя, казалось тихо на столе, пяткой растерла все мои пятерки. С таким стараньем я их выводила, а она – враз! – размазала чернила по всей

странице. Как же я кричала, надо же теперь с начала опять писать, а это очень трудно. Училась в первом классе я. И позже о ее проделках знала вся семья, но вот детей часто наказывать нельзя. Об этом говорила всегда мама. А прутик – средство наказания! – был заткнут за проводкой, при входе в дом. Лишь только провинишься в чем, то знай, что будешь бит кнутом. Мы все об этом знали четко, поэтому старались не доводить себя и маму до греха.

Дзинь-дзинь, звонит звонок. Уж начался урок, я опрометью в класс несусь. Как запоздала я сегодня! Ушла кататься с горки. Хоть рядом, в нашем же логу, но я же не могу знать точно время. И брат пришел за мной. Я упиралась и не хотела уходить с горы. С таким я удовольствием каталась! А он мне грубо так: ”Иди, иди, то в школу опоздаешь!” Мне казалось, что он обманывает меня. Не проходило дня, чтоб не шутил он надо мной. Какою-тою Саранкой прозвал меня. И прозвище ко мне это прилипло. Я обижалась и даже втихаря гримасы строила во след ему. Вот сегодня, показав ему язык, там, на горе, я села в санки и скатилась вниз. Ох, дорого мне обошелся тот каприз! Он меня дождался на горе, и... с силою пихнул, и я упала. Потом, чтоб я не встала, он стал меня катить ногою по дороге. Не слишком больно, но как стыдно! А вдруг вот видели соседи? Позор! Пред всеми неудобно, пред мамой стыдно, если ей расскажут. Она расстроится и будет недовольна. Не будет с нами говорить. И, без сомнения, весь вечер будет в напряжении. Мне надо брату предложить – сегодня вечером пойти дрова пилить. Возможно, этим заслужу прощения у брата, а главное – у мамы. Нельзя же маму обижать. Это великий грех! И,

говорят, что даже непростимый. О, мамочка, прости, прости! Я больше так не буду делать.

О, мамочка, прости, прости! Опять твержу я маме. Оказывается, плохо я слежу за младшею сестрою. Она все бедокурит, а отвечать вот мне. Соседку позвала сегодня я, чтоб вытянуть мою сестрицу, застрявшую в снегу аж по колена. Она пошла за вербой, что у бани растет, и провалилась. Весна же на дворе! Там снега много, и он подтаявший внизу, и там вода. Ох, батюшки, беда, беда! И сил мне не хватает вытащить ее оттуда. Пришлось позвать соседку. Ох, эта Валечка! Я не могу с ней совладать. Она взяла и убежала одна гулять. А я недосмотрела, и виновата. Но что мне делать, коль то и дело она все убегает от меня?

Вот на каникулах, зимою, я утром повела ее в детсад. Поднявшись с нею на гору, пред самым детским садом, ее я отпустила, решив, что добежит она одна оставшиеся метры. И, обернувшись, видела сама ее почти уж у дверей. Вот что же делать с ней? Как оказалось, она их не открыла и убежала к родственникам нашим. А это далеко. Я знаю почему! У них наряженная елка красивыми игрушками стоит. А, кроме тех игрушек, весят на елке вкусные конфеты в обертках. У нас же изредка, подушечки и только. И на такие сладости нам денег не хватает. После того, как папы вот не стало, живем на пенсию, что на сирот дают. А это очень-очень мало. Поэтому она бежит туда, ее конфетами там угощают. Я изредка к ним захожу. Боюсь я строгую жену моего дяди. Он мамин брат и жили они раньше в Ермиловке, от нас недалеко, километров в двадцати всего, что по

дороге на райцентр. Я, будучи совсем ребенком, у них бывала с бабушкой своей.

Я оставалась с бабушкой Матреной часто. Все потому, что маму отправляли на завод пихтовый – чурочку пилить. А этот труд таков: сначала пилят ели, потом все обрубают ветви, а вот стволы уж пилят позже на маленькие, четкого размера, чурочки для отопления в поездах вагонов. Из хвои, прямо там, на месте, гонят масло и для животных делают муку. Вот мама там бывала месяцами, как на повинной отбывала срок. И даже впрок копила трудодни. Бывали ж дни, когда уж “кровь из носа”, а дома надо вот остаться – корова телится, и статья приключится без присмотра страшная беда. Что делать вот тогда? Теленочка ведь надо вовремя принять и отнести домой, в тепло. О, дело важное оно, а то замерзнет в стойке. Что тогда? Беда, беда! Еще послед не дать корове съесть. Уж это очень вредно для коров. Вот и копила мама трудодни, оставив меня с бабушкой то дома, то в Ермиловке у дяди Коли. В те дни разбила я цыгана. Не помню, чтоб меня ругали, возможно, как-то наказали, коль я Семеновну боюсь всегда.

Вот этим летом, на день рождения Вали, мама пригласила в гости их. Отец забил по случаю такому петуха. Да он был плох – клевался. Мы, девочки, боялись его очень, Он, между прочим, иногда кидался и на взрослых. Гуляли полный вечер. Вот с тех пор отец запил-то так надолго, что попал в больницу. А на празднике тогда и танцевал и пел со всеми. Я навсегда его запомнила таким: он с гордо поднятою головою идет по кругу, потом выбрасывает резко руку, затем другую, и опять... все так быстрее начинает танцевать. И схож тот танец был с кавказским

танцем. Мне было это странно, но он так танцевал красиво, что я ему простила за измену русским пляскам.

Потом пошли все вместе провожать гостей. Гурьбой! И как махнула я рукой с графином, что угодила, прям в ведро, которое несла Полина... Семеновна... за чем-то? Так и не пойму! О, как я напугалась, что как в живых еще осталась! Конечно, мне досталось то мамы по заслугам за эту, за мою медвежью вот услугу.

По всем таким причинам хожу к ним редко, возможно, для других, все это беспричинно и ерунда, но для меня же каждая секунда терзанием служит. Когда Семеновна лишь на работе, то я к ним захожу. Мне нравится у них. В прихожей стоит большой коричневый буфет, огромный просто, состоящий с двух частей. В нижней – вдоль буфета, большие две шуфлядки, под ними – две раскрывающиеся с середины дверцы. А верхняя часть того буфета еще красивее. Она стоит на двух резных поставках и состоит, как бы из трех частей, где небольшие дверцы сбоку, по краям, а в середине, за стеклянной дверцей, стоят и рюмки, и графинчик маленький совсем, за ними, к стенке прислоненное, красивейшее блюдо. Отделяется та часть буфета от нижней части зеркалом и, мимо проходя, в него засмотришься невольно. Как я бываю вот довольно, когда к ним захожу. В комнате стоит почти такой же, но цвета черного, буфет и кожаный диван, с маленькими полочками на спинке и зеркалом посередине. Вот только нет у них таких красивых, как у нас, половиков, которые по комнате от одного угла и до другого лежат, как будто бы ковер. И с ними и уютно,

и тепло. У них же настоящие ковровые дорожки, но я люблю половики, Ох, до чего красивые они!

Конечно, родня наша живет в большом достатке. И могут без оглядки тратить деньги и направо, и налево. Они ж работают не так, как мама за трудовень. Семеновна – наш зоотехник, а дядя в заготконторе работает давно. Возможно, девочкам, их дочерям, смешно как я одета, но мне вот все равно. Я к ним без зависти совсем. У них есть туфли, платья и настоящие детские пальто, а у меня так – кой-как! – все перешитое из старых взрослых. Мы с сестрами играем вместе редко. Я чаще со своей соседкой Надей встречаюсь: то у нее, то у меня. Замерзшая зимою полынья, напротив дома моего, катком нам служит. Мы с нею, даже перед школой, идя с портфелями уже, катаемся там до упада. О, Боже, какая в том улада! С разбегу – пулей! – по льду катиться, не удержавшись, в снег полететь, а потом, раскрытыми глазами смотреть... на небо. Вот, красотище!

Звенит, звенит в свой колокольчик Нюра. Я слышу ее шаркающие ноги еле идущие по коридору. Идет она, как будто тянет сани с семьсот килограммовым грузом. О, это тяжкая обуза! Но все-таки ей хорошо – она при школе. А многим не такая доля. И... настоящий тяжкий груз везут здесь многие. Вот мама наша с рассветом уж идет в колхоз. А там ей лошадь запрягать и надо быстро гнать ей на поденную работу в самую тайгу, на пилку леса. Затем, все ветки, обрубив, везти лесины на захудалых лошадях, которые чуть тянут дроги по не обкатанной заснеженной дороге. Того гляди, что конь оступится с пути, и вот тогда беда. Не дай же, Бог! Перевернуться сани, а ей одной тогда не сладить. Чтобы не ехать сзади

всех, она спешит, и пар идет вокруг коромыслом. А если что, то под уздцы ведет коня вплоть до наезженной дороги. О, эти дроги! Все с малолетства тянут сани, кто с чем, кто с кем. Вот ранними часами везут детей, укутанных от крепкого мороза в одеяла, на санях в детские сады и ясли. Нам, школьникам, сегодня строго-настрого сказали: для удобрения земли, на этих вот каникулах весенних, по целому мешку золы всем отвести на названное поле. Так знать такая наша доля – вдоль жизни с самого рождения воз санный нам вести.

Дзинь-дзинь звонит в свой колокольчик Нюра. Ура! Закончились уроки. А впереди каникулы! Гурьбою мчим на улицу и, норовим в снежки все поиграть, и не чуток. Ведь на урок, как прежде, не надо нам спешить. А солнце светит и искрится снег, от радости мы ускоряем бег. Звон голосов кругом и смех. И... лишь у школьного крыльца портфели ждут нас в молчании полном.

На каникулах будем кататься днями на санках и на лыжах с горы, что в МТС. Чтобы не бегать домой обедать, с собой кусочек хлеба прихвачу, засуну вниз под шаровары. А потом, когда захочется поесть, его я вытащу, он подмороженный и очень вкусный, хотя немного в волосах от валенок. Но это не беда, пустяк! Рукой очищу, ототру. Зато так долго буду там кататься, что статья только к вечеру приду домой. Вот только б не замерзнуть на горе мне той!

Чирк-чирк, чирк-чирк! Растапливает печь мама. Уж вечер на дворе. Сейчас поставит варить картошку, и будем, есть ее потом с капустой кислой. О, как вкусно! Ее заквасили мы в бочки, и, замерзшая совсем, стоит она всю зиму в снях. Ее ножом мы выскребаем, потом

поставим миску на плиту, она согреется немного, и вот тогда ее едим. А после ужина будем, за своим большим столом, играть. Сражаемся мы с братом в шашки. Настоящих шашек – у нас нет. Их делал еще папа раньше из тюрючков от ниток, разрезав пополам их и, половину, закрасив черной тушью. А шахматку мы с братом сделали с картонки. Хотя она немного тонкая, но это не беда. Мы так старались! Расчертили точно и аккуратно квадратик каждый закрасили с любовью. И вот теперь всегда играем вечерами.

Проигрывать я не люблю. И если что! Разгневаюсь с досады и бью по этим шашкам всей рукою. Они летят кругом по полу, а все смеются надо мною. Но папа утешал всегда и со словами: ”Я помогу тебе собрать. А ты давай учишься играть, и думай на несколько ходов вперед, какой ход сделает противник твой, и как ответишь ты, заманивай его в ловушку. И так не мене трех, четырех ходов. Понятно!?” Я со слезами на глазах собирала шашки с пола и все просила брата: “ Еще разок сыграем, а! Я не буду больше злиться”. А он в ответ: “ Ну, что ж, давай учиться!” И... расставляли шашки по местам на шахматке опять.

Папа, бывало, тем временем нам валенки чинил или красивые шил шубинки – такие варежки, в которых мех внутри. Конечно, тайны не открою, но все ж скажу: “Как в них тепло зимою!” Он всю работу выполнял старательно, с любовью. В такие вечера, разгадывали всякие загадки из книги пионерии. Ее мы брали в библиотеке школьной. Чего там только не было: пословицы, загадки, поговорки, сказки, легенды и стихи про Ленина, про октябрят и пионеров, и песни разные такие. Мы любим эту книгу, ее надолго я беру, но больше двух недель нельзя. Тогда, в те дни, приходят к нам друзья и брата, и мои, мы гуртом тут читаем

вечерами. А на черном стуле, среди комнаты сидит всегда соседка Ксения со смешной фамилией такой – Слепушкина. Придет и сядет на наш единственный красивый черный стул. И почему-то его ставит в центре комнаты, под лампочкой, и светит та ей на платок. Она же дремлет, и не чуток, а целый вечер так сидит у нас. Ей, видно, дома одиноко, она ж совсем одна. И маме жаль ее, вот потому и привечает. Та толком даже и не знает, где живет ее единственная дочь, которая давно уехала отсюда, и писем ей не шлет.

– Дети, садимся ужинать за стол! Все лишнее убрать на лавку, в уголок. Уроки сделали? А то, смотрите, тогда не будете играть! – так строго говорит нам мама. Ее слова для нас – закон! Хотя я, совсем упряма, но слушаю ее беспрекословно. А у стены, словно следит за нами, теленочек стоит. Его кормила мама загодя, и лишь немного погодя, поставила на стол для нас картошку. Ее едим мы с аппетитом и запиваем кипятком, чуть-чуть забеленным лишь молоком.

Корова только отелилась, и молока совсем немного. Мама часто говорит: “Теперь у нас подмога есть!” Понятно будет молоко, но от теленочка какая помощь? Пасти мне надо будет его часто в том логу, где я пасла корову запрошлым летом. А вдруг – вновь! – ураган, как в то, прошедшее, вот лето. Что будет с ним? От мысли этой жарко, как только вспомню я про это. Шквал ветра подхватил меня, вдоль улицы понес. А вокруг, звеня, трещало что-то и несло же рядом. И надо мной неслись, поленья, щепки, ведра, углом сколоченные, доски, слетевшие прямо с крыш домов, какие-то из них мне били по рукам, спине, ногам. Меня, то вдруг прибьет к земле, а то порывисто – вновь, вверх! – взнесет. По воздуху почти неслась корова, еле

касясь земли ногами. А ветер все сметал, ломая на ходу: деревья, ветхую ограду, трубы: и, огибая лишь дома, свистя и воя, несясь вдоль дороги. Кругом трещало все, звенело, я пронеслась над улицей, минуя дом свой. Вдруг меня прибило прямо к дверям соседней наших, не растерявшись, я повернула – враз! – вертушку, что отворяла дверь. И оказалась в безопасности теперь. Они, соседи, стоят все в изумлении и смотрят на меня, как на чудо, с вопросами, откуда меня к ним занесло. От страха не могу я вымолвить и слово, а только: “Корова, корова...” – больше ничего. Когда утихло все кругом, меня уж повели домой. А там и мама во дворе и со словами: “Где ты была и где корова?” В ответ молчала я, рассказала обо всем соседка. И мама ахая, меня легонечко трясла и спрашивала: “Где болит?” – Давай быстрее посмотреть мне спину, руки, ноги. А у меня лишь страх в груди засел и не дает мне вымолвить и слово. Потом пошла она искать корову. Нашла и пригнала домой. Я же с тетей Зиной – к медсестре. Та, осмотрела и решила, что, в основном, повреждена рука лишь, а больше ничего. Потом все говорили: “Родилась в рубашке!” В какой рубашке? Совсем не понимаю. Но повторения этого – ни-ни! – я не хочу. Поэтому мне не понятно вот пока, какой же будет прок от этого бычка?! Еще тот ураган сломал черемуху у нас. Как было жаль, до слез! Тем летом бегала к соседке Груне, и у нее я лазала на самый верх деревьев, черемуху объесть на тонких ветвях. Так это высоко, что – ого-ого! – туда никто не мог залезть. А там, держась за очень тонкую макушку, качающуюся со мною вместе, я срывала и с наслаждением ела самые большие, сочные ягоды.

Стук, стук! “Да. Да, входите!” – громко отвечает на стук тот мама. Дверь резко открывается и на пороге мать моей подружки Нади, кума Устинья, а в плошке у нее кутья, и быстро зачастила так: “Кума Ивановна, вот помяните, сегодня же родителька суббота: своего Петра и тятю, моих всех”. А мама, растерявшись, ей в ответ: “Как на грех мне нечего тебе, кума, вот дать для поминания. Спасибо, дорогая, за память нас и тех, кого уж с нами нет”. А, той простыл уж след. Кума Устинья убежала и быстрехонько по улице, почти бегом до дома. Вот так она всегда: вертка, бежит, бежит, как будто гонится за нею кто-то. Ее сын, Вася, привел невесту с Коломино лет пять назад. И каждый рад был видеть идущих вместе их, по улице вдвоем. Она – в бордовом платье, воздушный белый шарф на голове, а его концы свободно падают на спину. Она, казалось мне, красавицей была. Среди всевидящих соседей слыла уж очень работающей. А у кумы Устиньи большое же хозяйство: корова, овцы, свиньи, куры, цыплята каждый год и... вот красоты ее пришел черед погаснуть. Работает она от утра раннего и допоздна в колхозе, потом ведет хозяйство в доме. А кроме, родила двоих детей. Видать ей очень тяжело и, иногда, она заходит к маме за советом, как решить ей те, свалившиеся гуртом на нее, заботы. Как женщинам в колхозе тяжек труд! И, бедные, они его везут, везут от раннего рассвета до заката... дней своих.

Дзинь-дзинь, звенит в свой колокольчик Нюра. Ура! Закончился учебный год. Мы перешли в шестой уж класс. Как повзрослели, поумнели, и сколько было интересного всего за весь учебный год! Возможно от того немного грустно. Но встретимся же осенью мы вновь, когда все, отдохнувшие от школы за долгие три

месяца, придем в свой класс. Да мы и не прощаемся совсем, потому что будем на участке пришкольном собираться до обеда и полоть грядки, клумбы еще недели две. Но разве знала я тогда, что с ними, многими, не встречу никогда. И унесут меня вот поезда в другую жизнь, совсем иную!

Чирк-чирк, чирк-чирк растапливают печурку во дворе. Июль. Жара. Готовить завтра с самого утра совсем не хватит времени ни маме, ни бабе Моте. Уж целую неделю все в работе, готовимся к отъезду из сих мест.

Наконец-то маме разрешили и дали паспорт, чтоб мы могли уехать. А как же не давали! Не позволяли выехать отсюда так много лет. И вот теперь лишь свой привет сюда мы будем только слать родным и бабушке Матрене, подружке Наде и другим друзьям.

А сборы в радости тревожны, вот некоторые из соседей: “Как же можно, Ивановна, все бросить и ехать не знаю куда? Ты, если что, то возвращайся!” А мама: ”Никогда! Почти что тридцать лет бесплатно пропахала. Хватит! Хочу судьбу другую для детей”. В узлах уж связано все нищее богатство наше. И вдруг соседка Глаша несет нам таз и ковшик, и со словами:

“Ивановна, бери, они же алюминиевые, а я возьму твои чугунные, они так тяжелы, и как же вам с ними в дорогу?!”

Вот никогда не ожидали такую вот подмогу от нее! Спасибо, Глаша! Я сразу ей простила все: и яйца из гнезд куриных в нашей стайке взятых, и не один разок; и веники, которые на крыше висели, впрок – на зиму заготавливали, а она их половинила частенько; и даже молоко, за которое не заплатила, стерев рукой заметки на стене все до одной, что баба Мотя отмечала.

Как сейчас я вижу ее, уже в побелке, мелькающую руку по стене. Но вот теперь, Глаша, за все прощаю! Ведь ее таз намного легче нашего, да ковш еще. “Спасибо, Глаша! Еще и ковш? Уж это слишком!” – мама ей сказала. Она в ответ: “Не поминай уж лихом, Ивановна, бери, бери!” И в тот момент мне стало жалко Глашу. Она на трех детей пошла, когда у нашего соседа “черный ворон” жену забрал. Все говорят, в округе будто есть один, в услуге к власти, строчит бумаги, и потому... жена соседа нашего пропала, да не одна она. И, говорят, загнали всех за Васюган. Возможно, все обман – ведь это ж... топкие болота, и что там делать людям всем? Но Глашу стало жалко мне совсем и я ей... все... прощаю.

Взрослые решили, что нас до места, в Беларусь, проводит тетя Зина. Назавтра подошла машина, сгрузили невеликое добро, и сами сели в кузов. Мы, дети, все смотрели на наш дом. Ох, сколько пережито в нем! А мама – нет! – она не оглянулась. Возможно, чтобы сердце не очнулось и ... не заболело, не заныло. И... сиротливо стояла бабушка среди дороги и вытирала фартуком глаза.

.....

Для всей нашей семьи
счастливым поворотом в жизни стала
та линия нашей судьбы,
что нам дорогу начертала

Эпилог

Остановите дней упряжку, вспомните
герань, цветущую на подоконнике,
и... за растопкою печи маму сидящую,
и в годы уходящие смотрящую.

Из глаз ее – вдруг! – свет украдкой
блеснет таинственно, с загадкой.
То запечалится, то улыбнется
и... молодость ее из уст польется.

Польется песнями про долю-долюшку,
что вдоль судьбы текла по полю-полюшку.
Потом скупа слеза из глаз покатится.
Звучат слова ее тихо, раскатисто.

Так запевал народ щемящее горе. –
Песни привольно текли над полем –
сибирским полем, что изначально
вплелось в узор судьбы – судьбы печальной.

Потрескивая, пел огонь залиvisto,
и, вторя этой песни, чуть отрывисто
летели искры с сердца отболевшего,
и серым пеплом стыло горюшко сгоревшее.

Вы, вспомните, прошу вас, нежно вспомните
свой отчий дом, цветы на подоконнике,
родную мать на стульчике сидящую
и в годы уходящие смотрящую.

VITA MEMORIAE (лат.) – Жизнь памяти

*Звонит, звонит в свой колокольчик Время.
Лишь в памяти отчетливы следы ушедших лет;
их бремя из души уплыло безвозвратно,
но...иногда...тревожит яркость их примет.*

СВОЕЮ ПЕСНЕЙ УТОЛЮ ПЕЧАЛЕЙ РАНЫ

– “Мой родны кут, як ты мне милы! Забыть тебя не маю силы” – запел Володя, – Таня, помогай, не отвлекайся!

– Сейчас, Володенька, сейчас, – отвечает Татьяна и, смеясь, начинает петь.

Так они поют всегда, когда все вместе собираются. Это бывает редко. Вот сегодня собрались все вместе на даче по случаю приезда Лары.

Лариса, а в семье называют ее только Лара, старшая в семье. И на ее долю выпало немало трудностей, но любит она жизнь со всей ее красотой и любит приезжать на вторую свою родину, хотя покинула ее давным-давно. Московская жизнь бьет ключом, и круговерть ее закручивается и закручивается в спираль и, чтобы ее не сорвало, садится Лара в поезд, который мчит ее в Беларусь. И плывет мимо умиротворенность провинциальных вокзалов, малоэтажных домов и сельских домиков, которая наполняет ее сердце любовью к этой земле, к полям с кудрявыми перелесками и небольшим речушкам, вьющимся голубыми ленточками, уплывающими к горизонту – все это хмелит ей голову воспоминаниями былого.

Дачу – дом в деревне, что всего в нескольких километрах от города, Ольга с Владимиром купили в 1990 году. Уж очень они хотели свой дом в деревне на берегу реки, чтобы порыбачить можно было воскресным утром; и лес был бы рядом, где ягоды да грибочки. Рыбалка приносит огромное удовольствие всей семье, особенно рыбакам, когда можно уединенно сидеть на берегу реки и умиротворенно следить за поплавком, и, как ворожея на картах, предугадывать, когда же эта, проплывающая мимо в беззаботности рыбина, поведется на червячка, тоже без всяких забот барахтающегося в воде. И тут, друг, не зевай! Резко подсекай ее, да на волю, на травушку-муравушку! А радость-то так и плещется в глазах рыбака от удачи этакой.

На радостях, что появился дом в деревне, Громовы сразу же стали приглашать всех родственников к себе. А родственников много: у Ольги две сестры и брат, да у Громова брат и сестра, одних племянников только четверо и племянниц трое, самой младшенькой, москвичке Асеньке, только годочек. Ну как ее не пригласить на свежий воздух! Всех Громовы хотят порадовать прелестями деревенской жизни.

А дом в деревне – это же чудо! Просто красотища! Это, конечно, большой огород, порядка десяти соток картофеля, поросенок и уйма цыплят. А иначе, какая это деревня! Счастье переполняло каждого в первое лето на даче. Обед готовили днем на улице, а на завтрак, как правило, яичница. Молоко настоящее – деревенское! – брали у соседей и баловали им своих деток. Это сейчас нет ни поросенка, ни курей, ни десяти соток картофеля, а только теплицы да грядки клубники, а остальное – цветы да цветы.

Юленька, старшая дочь Громовых, в первое лето подружилась с местной молодежью и вполне довольна была своей жизнью, если бы не комары да мухи, от которых перед сном надо избавляться, так как иначе будет не до сна всей огромной семье. А она, семья, покатом располагалась в большой комнате на кроватях, которые взялись невесть знать откуда.

Собирались девчонки на свои посиделки на бревнах у соседей, что живут через дорогу. Асенька тоже, бывало, летит бегом к ним на девичник. Еще бы! Ведь так интересно – сидеть на бревнышках и щелкать семечки. Правда, вот семечек ей не дают, а это

до слез обидно. И она, иногда с плачем, усаживается рядом с Юлей и ждет, когда та даст ей лущенные семечки. Вот тогда радость ее в глазах хлещет через край!

Мальчишкам вольготно! Весь день катаются на велосипеде да на скейт-доске по асфальтированной дороге. Здесь катание по дороге совершенно безопасно, так как машины проезжают совсем редко, разве только иногда трактор протарахтит вдалеке. Помощь мальчишек по хозяйству состоит в том, что каждый должен по несколько рядов картофеля пройти и обобрать колорадских жуков. Сынок Лары, всегда отлынивал. Он, вероятно, их боялся, но не желал в этом признаваться.

Самая тяжелая для ребят работа была – это срезание травянистого грунта вдали от дома, перенос его и аккуратное укладывание им всего, годами утоптанного, двора. Уж очень хотелось выйти босиком из дому и походить, а деткам побегать, по зеленой травке. И радует взор теперь зеленый двор с беседкой, клумбами цветов округ, которые перетекают в рисованные цветочные картины на стены дома, бани и сарая. У Юленьки муж с огромным даром художника. Вот он претворяет в жизнь свои задумки в облагораживании этой дачи

Лара всегда занималась шитьем, то одному шьет куртку, то другому – ветровку и брюки. Она шить стала еще в школе. Обновки хотелось, а денег не хватало. Так купят ткань и вот она всем обновки нашивает. Шила всегда с большим удовольствием и

с... песнями. И, смеясь, со словами: “ Нам песня резать и шить помогает...” разложит ткань на полу и начинает кроить. Пока шьет все песни, которые знает, перепоеет. Время было такое, что все шили сами. А сейчас все можно купить, но выйдешь “на улицу”, а там в таких нарядах “ пруд пруди”. А тогда, в семидесятые, сшил платье и, куда бы ты ни пришел, знаешь, что ты – одна единственная и неповторимая.

Живет Лара по принципу: обувь, сумка и перчатки, белье и духи должны быть самые-самые, а остальное можно придумать. “ Бедный на выдумку богат!”. Это намного позже появилось в ее лексиконе искрометное выражение главной героини кинокомедии “Игра воображения” в исполнении замечательной актрисы Любви Полищук: “Из ничего второе блюдо”. Так и стала она по жизни жить и получать огромное удовольствие, когда что-то сотворит из старых ненужных вещей. И радости ее нет конца! Тем самым получает огромную усладу сердцу от того, что дает этому старью обновленную новую нужность в жизни.

Каждый в семье занимался своим любимым делом с детства. Ольга всегда помогала матери на огороде. Она любит землю. Вот и исполнилась ее мечта – у них своя дача. Пойдут, бывало, они вдвоем в огород и могут целыми днями там копать: что-то пересаживать, полоть, рядить и прочие работы с землей. Ларе этого не понять, так как она не отличит всходы моркови, свеклы от других трав. Но она с удовольствием за огородницами наблюдает, а они о

чем-то говорят и говорят, а когда замолкнут, то мать начинает тихонько напевать. Она всегда напевает спокойно, размеренно и льется эта песня прямо из сердца. Рассказывая о ссылке, о войне, она постоянно говорила, что без песен и веры в Бога не выжил бы народ в те трудные годы: “Запоешь, бывало, и горе не горе, и голод не голод, и на душе теплее. В песне великая сила, с песней и дело спорится”. С этим наказом так и живет вся семья.

Как только вернулись из ссылки, то первым делом купили радиолу. Летом поставят пластинки, откроют окна и слышно пенье Майи Кристалинской – “Ночь была с ливнями и трава в росе, про меня “счастливая” говорили все...” или “ Ты глядел на меня, ты искал меня всюду, я, бывало, бегу ото всех твои взгляды храня, а теперь тебя нет...”; а то защемит в груди от песни Марка Бернеса “Бьется в тесной печурке огонь, на поленьях смола, как слеза.... До тебя мне дойти нелегко, а до смерти четыре шага...”, и выкатится из глаз слеза, холодя замирающие щеки. Марк Бернес был актер и в кинофильмах, в которых он снимался, для его роли обязательно вводили песню, так как его исполнение с большей яркостью отображало действительность происходящего на экране. Зритель верил ему, этому мягкому безголосому голосу, который завораживал слушателя своей проникновенностью и натуральностью. А какие задорные жизнеутверждающие песни пели Эдуард Хиль и Олег Анофриев! Их песни, вселяющие веру в жизнь, всегда радовали душу.

И соседи говорили: “ Молодец Ивановна! С песней живешь”. (Так с уважением звали ее по отчеству все в округе). А она только в ответ: “ Я песней утолю печалей раны”. Ох, сколько же их было печалей-то! Ее семья была в ссылке с тридцатого года в глухой сибирской тайге. Муж во время войны воевал под Ленинградом, сдерживая осаду города, и по его словам “тьма там наших солдатиков осталось навечно лежать в болотах”. Вернулся весь больной и умер в тридцать шесть лет, оставив в наследство Ивановне четверых детей. Получив вольную, уехала она с детьми подальше от тех мест – в Белоруссию и стала поднимать их на ноги. А без молитвы и песни не поднять деток. Только с песней забывает она обо всем, а молитва вселяет надежду на лучшую долю, на лучшие времена. Хорошая песня и детей воспитывает! Стала ей Белоруссия второй родиной, и не мачехой, а матерью. Приросла она корнями к этой земле. И выросли дети, и своих деток уж растят. Бежит время неумолимо, а память хранит все пережитое и вьется, вьется лента жизни, завиваясь в причудливый узор.

– Лара, о чем задумалась? Пой, дорогая, пой! – начальственным тоном призывает Владимир и затягивает:

Если друг оказался вдруг
И не друг, и не враг, а –

так...

Все дружно начинают петь. Песни Владимира Высоцкого знают все. В его песнях отражены

искренность и неподдельность воли и чаяний народа, которые лишены искусственной чопорности, а полны яркости и сочности русского языка. Энергетика его стихов всегда вливает силу духа и воспитывает в человеке волю и жажду жизни, и, вероятно, поэтому его песни так любимы народом. Он, поистине, народный артист, поэт, бард! Кассеты с песнями Высоцкого переписывали друг у друга, так как тогда, в шестидесятые, и телевизоров не было, и его выступления были запрещены, а если и были, то – неофициальные. Какое счастье, что сейчас можно везде купить записи его песен.

В семье у Ивановны тоже телевизора не было, купили только в 1969 году, когда сын, вернувшись из армии, стал работать на заводе. Служил он четыре года на Северном флоте: один год в Ленинграде в учёбке и три года на атомной подводной лодке. Очень хотел остаться служить сверхсрочником, но материнское сердце подсказало, что это очень опасная служба. Она молила Бога ежедневно, пока он служил, о благополучном его возвращении. В апреле 1970 года лодка, на которой он служил, загорелась и затонула, большая часть экипажа погибла. Мужчины плачут редко, но тогда он плакал. Они же на подлодке живут одной большой семьей, и доверяют друг другу всегда и во всем, и дружба эта самая, что ни есть настоящая, иначе там нельзя. Сообщений в прессе не было, но ему написали друзья, которые продолжали еще служить и остались живы. Трагедия была огромная. Переживала вся семья, но, однако, присутствовало чувство радости

от того, что он вернулся из армии ранее, а за годы его службы никаких происшествий, и тем более с трагическим концом, на подлодке не произошло.

– Юра, давай твою любимую споем! – говорит Татьяна, и, все сидящие за столом, зная его любимую песню, начинают дружно петь:

Если радость на всех одна,
На всех и беда одна.

– Да..., друг мой – третье мое плечо и с ним не страшна беда... – задумчиво говорит Юрий и, тяжело вздохнув, начинает петь вместе со всеми.

Молодость шестидесятников прошла в мирное время, и военных действий не было. Вот только были события в Чехословакии в 1968 году да на советско-китайской границе – на острове Даманском в марте 1969года. Хотя бывали случаи, что гибли ребята в армии и в те годы: убивали ребят на Украине бандеровцы, а в Прибалтике – лесные братья. Истинная история страны приоткрывалась постепенно, однако в молодые годы все события в стране воспринимали легко.

Дети верили в мощь Отечества! Эту мощь молодое поколение впитало в свое сознание с детских лет, зная, что наша страна победила фашизм и здесь, в Белоруссии, герои Брестской крепости насмерть стояли, чтобы сдержать натиск немецких захватчиков. Вся территория Белоруссии была охвачена партизанским движением – весь народ встал на защиту своей Родины.

Послевоенное поколение гордилось победой, которую завоевали отцы и деды в борьбе с фашистскими захватчиками. Сознание того, что наша страна – огромная мощная держава на страже мира во всем Море, и гордость за достижения нашей страны в космонавтике, вливали уверенность в завтрашнем дне. Когда весть о первом космонавте Юрии Гагарине сообщили в школе, и все, затаив дыхание, слушали сообщение ТАСС, то радость с гордостью за свою страну, в которой мы живем, от макушки до пяток мурашками бежали по спине. Тот день – 12 апреля 1961 года был солнечный, казалось, пели птицы! И теперь никто – уж точно! – о синице в руках не мечтал, журавлем летели желания. И даже у детсадовских детей на вопрос: “Кем хочешь быть?”, ответ был один: “Космонавтом!”. Все мальчишки хотели учиться в военных училищах, даже девушки желали учиться в Бауманке. Жизнь была прекрасна и удивительна, а ее перспективы: учеба, работа, путешествия по стране, учитывая, что на каждом предприятии организовывались бесплатные поездки по всему Союзу, отдых по путевкам за небольшую плату, радовали до бесконечности.

Все жили с каким-то задором, радостью самой жизни; жили от полочки до аванса и все планировали-планировали: с полочки купить одно, а с аванса – другое, к майским праздникам сшить один наряд, а к зиме что-либо связать. В семье Ивановны все вязали с большим удовольствием. Младшие девочки – шапки и шарфики. Лара освоила самую простую вязку – все

время вязать только лицевой, но вся красота была за счет цветовой гаммы ниток, когда один цвет постепенно переходил в другой. А какие у них были вязанные платья – просто загляденье! Просили даже продать, но они никогда не продавали вещи, которые делали для себя. Это же декоративно-прикладное искусство! А ко всему этому они относились с особым трепетом и теплотой.

– Папа, спойте Алесю! Мне так нравится эта песня, – вполголоса просит Леня, сын Володеньки, сидящий между сыновей Татьяны, которые тоже приехали на эту встречу из Минска. Все они захлопали и хором стали просить: “Алесю, Алесю!”

– С условием, что все будете подпевать дружно! – смеясь, говорит Татьяна.

– Ну, если публика просит, так отчего не уважить ее, – улыбаясь в усы, говорит Володенька и начинает петь: “Живет в белорусском Полесье кудесница леса Алеся...”

Лара, улыбаясь, смотрит и слушает, как поют Татьяна с Володей, и видно как радостно ей на душе. Володя Громов появился в их семье, как говорят нежданно-негаданно. Ольга училась вместе с ним в институте с первого курса. Частенько она после занятий приходила не одна, а приводила с собою студентов. Они, в основном, иногородние, и им, вероятно, хотелось побывать в домашней обстановке, а не в казенном общежитии. Жили небогато, но

Ивановна со словами: “ Чем богаты, тем и рады” – угощала всех пирогами, которые в те годы пекла частенько. Начинка пирогов была немудреной. Вот и красовались на столе аппетитные пироги со свеклой, морковью и картофелем. И до чего они были вкусны! Душу свою она в них вкладывала, вот от этого и были они любимы всеми. Владимира в семье знали, но в “женихах” он не ходил. И, в невысоком худеньком мальчишке, с постоянной детской непосредственной улыбкой на устах, не признала тогда своего будущего зятя Ивановна. Все остальные студенты первого курса выглядели более мужественные и уверенные в себе. “Женихи” у Ольги были другие однокурсники.

А Громову, вероятно, понравились пирожки, которыми угощала Ивановна, и стал он женихом настоящим на третьем курсе их совместной учебы. Так однажды, зимним предвечерним часом, по пути из дома на остановку, они, Оленька и Володя, объявляют Ларе о своем желании пожениться. Ну что сказать? Конечно, она дала свое согласие.

Так и вошел в семью Ивановны Владимир Громов. А вместе с ним пришла в их дом белорусская песня – напевная, завораживающая, мелодичная. И характер у Громова совсем не отвечал его фамилии, а наоборот, был мягкий и податлив. Молодость, как травка молодая – шелковиста и нежна. Это к осени она подсыхает, а если ее скосить, то колкость трав знакома каждому. Но от весны жизни до осени еще ой-ой-ой сколько! И стал он зваться в семье только Володенькой с легкой руки Ивановны, которая его

обожала. И стал он впоследствии директором завода тоже с легкой ее руки. Она всегда говорила, что быть ему директором – заслуживает! Жаль, что она не дожидка до этого события в его жизни.

Он относился к ней ровно, без всяких сантиментов. Только Володенька на порог, как она тут же его угощает всем, что есть. А скарб всегда небогат, но все, что не подаст на стол, он ел с аппетитом, а еще с превеликим удовольствием летом останавливался у куста крыжовника и ел с куста зеленые, не совсем зрелые, ягоды. Ивановна только кричала ему с веранды: “Ты, Володенька, ну хотя бы их помыл!” Он в ответ только улыбался. Он никогда не был многословен, а вот улыбка частенько таилась в его глазах, а на устах с раннего утра застредали слова какой-либо песни. Ивановне очень это нравилось, и она говорила, что он похож на ее братьев, которые в ссылке, в тридцатые годы, после трех лет полного голода, как только появилась в достатке картошка, стали петь даже ранним утром. В чем он действительно схож с Ивановной, так это в отношении к работе и к жизни на земле. Добросовестность, честность и порядочность – по жизни в крови у обоих.

В его семье, как и в семье Ольги, любили петь. Оказалось, что Володя окончил музыкальную школу. А сестра Ольги, Татьяна, тоже училась в музыкальной школе. Так они с ним теперь поют всегда, а все только подпевают. У них хорошая память и они знают весь

репертуар “Песняров” наизусть. А когда приезжает его брат со своей женой, то песни льются рекой!

– Таня, давай “Спадчину” – говорит, улыбаясь, Володя. – Молодежь, а вы, что не поете? Ну-ка, давайте дружно.

И он затягивает эту песню, а на лице такое умиротворение и довольство жизнью. Он очень рад, что все вместе собрались, а он, хозяин, натопил баню, и вот сидят все намытые, довольные, сытые вокруг стола в его доме и поют. Какое счастье! И это счастье расплывается у него не только на лице, но и по всему телу. И читается оно, счастье, и в его улыбчивых глазах, и в руках, которые вольготно лежат на коленях, а то – вдруг! – поднимется одна рука вверх и легонько ляжет на край стола, и присутствует это счастье во всей его позе расслабленного тела, как бы наслаждающегося умиротворенностью происходящего.

Владимир построил баню спустя год, как купили дачу. “Без бани и дача не дача” – говорит всегда он. И баня – это неотъемлемая часть программы встречи на даче. Без бани и застолье не то. Хозяин, как правило, идет первый в баню, а далее – по настроению каждый, но за стол... только после бани. Баня как санпропускник к столу. Юрий, старший брат Ольги, тоже сегодня был в бане, хотя у него есть своя, но порядок есть порядок. Он искренне радуется встрече здесь на даче и, сидя за столом, поет со всеми вместе.

Песни льются красиво, задушевно. Хорош композитор Игорь Лученок! Он много песен написал для ансамбля “Песняры”, и исполняют они их далеко за пределами своей родной страны, и везде их встречают бурными аплодисментами.

Лара не знает белорусского языка и стихов Якуба Коласа тоже не знает, но все эти песни в душу ее запали как что-то родное. Она не изучала белорусский язык так, как приехали они в Белоруссию в 1960 году, когда она училась уже в 6-ом классе. Многие считали, что она из семьи военных. Это дети военных, как правило, не изучали белорусский язык, потому что путешествовали их отцы из конца в конец от Берлинской стены до Сахалина.

– Мне кажется, что Лара не поет, – с улыбкой заметил Володя.

Лара действительно сидела задумчивая, полностью находясь со своими мыслями, со своими радостями и печалью жизни, но не стала оправдываться и тихонько запела.

Поют и русские, и белорусы, поют и в горе, и в радости. В их семье всегда пели, и селилось счастье, несмотря на бедность и невзгоды, разукрашивая жизнь в яркие цвета. И радость этой жизни укутывала детей, как укутывала их мать в теплые одеяла в раннем детстве в далекой ссылке от сорокаградусного мороза, везя в детский сад на салазках. И эта радость жизни согревала их души теплом и заботой, потому что материнская любовь была безгранична, и хранила

Ивановна “ключик” от “ларца счастья” в своем сердце, которое было переполнено любовью к самой жизни на этой Земле, и в своей душе, в которой звучала музыка этой любви.

И совершенно неожиданно – вдруг! – Лара запела в полный голос:

Здесь забытый давно наш
родительский кров
И, услышав порой голос предков
зовущий,
Серой птицей лесной из далеких
краев
Я к тебе прилетаю, Беловежская
пуща.

Все дружно подхватили: “Беловежска-а-я-я-я пу-у-ща-а-а...” “ и полилась песня как весенние воды, согретые солнечными лучами то, замедляя свое течение, то ускоряя и бурля.

Лара, улыбаясь, легко вдохнув, еле слышно произнесла: “Я...своею песней утолю печалей раны” и стала петь дальше вместе со всеми.

.....

Звенит, звенит в свой колокольчик Время. Оно безжалостно бежит. Уже сознание выбивает ритм, потом бегут слова и строчки. Враз! – повзрослели сын и дочка, и... я бреду к закату лет. А на полях замет, за красною чертой все отголоски жизни той, что отпечатались в морщинках на лице.

В морщинках тех надежд потери, развенчанные в прах, и радость дней, что отзвенели, и след терпения – застывший свет в очах.

Терпение во главе угла у русского народа. Прости, читающий, такая вот природа души чистейшей... русской. Претерпеваем все и вся: лишения, невзгоды, власти предержавшие, но... в дни “неустойчивой погоды”... не преклоним головы... пред властью Тьмы.

Безмерна чаша русского терпения. Велик Народ, коль силы пьет и в миг затмения Света дня. И, несмотря на полымя, он, прославляя дух – природу своей души, поет России оду.

И... пусть худые вести не сидят на месте, оскалившись, пляшут стадами, кружась над головами, но... поют в России. Поют! – Поют все славянские народы! В мелодии этих песен серебряные нити, исходящие от наших предков и несущие потомкам дух народного единства, которое наполнено вечной силой мудрости – Надежды, Веры, Любви.

Ворожея

Пролог

В миг рожденья дня, в исходе ночи
Нашептала спутница зари
Тайные слова мне, напорочив
Нить судьбы, с прологом “Говори!”

Вот пою, шепчу, уста сжимая,
Не сдержать мне песнь – С Любовью
спор!
Ох! Она – наездница лихая.
Одержима! Не жалеет шпор!

То взметнётся всполохом – зарницей! –
Раскроит полнеба на куски,
То взлетит – мгновенно! – вольной птицей,
Закружит и... удалью... в виски!

Так и носится во след по кругу,
В жизнь вдыхая молодой задор.
Упряжь её крепка и упруга! –
И летим с присвистом с крутых гор.

Вечер. Сажу у окна и смотрю на закат солнца. Его лучи пронзают облака и разукрашивают их в сиренево-розовые цвета. На столе бокал с красным вином.

Скажу Вам тайну по секрету –
 люблю я красное вино,
 конкретизируя при этом –
 уж чудодейственно оно.

А особенно на отдыхе – у моря, когда, сидя на террасе вечерочком, вдыхая запах ещё дневного зноя, утоляешь жажду глотками красного вина.

Последний луч солнца догорает в небесах и... в бокале с вином рассыпается рубиновым цветом. Воспоминания нахлынули мгновенно. Был такой же закат, и также лучи солнца, превращая бокал вина в ярко-рубиновый хрусталь, отражались малиновым отсветом и, мгновенно дробясь на мизерный бисер, излучали неповторимое сияние.

И...

звучала музыка
 за гранью бытия.
 Слияние муз, и, ка...
 жется, твоя

рука коснулась
 моего плеча.
 Ты был – ничей,
 и я – ничья.

Вечер пролетел мгновенно. Голубая синь неба, словно шелковый шатёр, вознеслась над землёю. А молодая Луна, улыбаясь чуть-чуть с хитринкой, взбудораживая, завораживает, нашептывает, и... вот:

изящностью плена,

околдовала, – ворожея! –

хрустальной тишиной звеня,

как жизни панацея

– Хочешь, я тебе подарю звезду? – с восторгом произнёс ты. А я ...

Я... вся встрепенулась, замерла в ожидании, и вдруг горячая волна хлынула в грудь и заволновалась. Кое-как, справившись с собою, прошептала:

– Хочу! Вон ту...

– Нет, я тебе Венеру дарю!

– Венеру? – переспросила я, и поток разноголосицы пронёсся в голове.

– Самую яркую планету, ей просто нет равных по яркости.

Из школьной программы я помнила одно, что вращается она в обратную сторону, не так как все другие планеты. Тогда меня это очень взволновало. Какая-то она особенная..., единственная..., не похожая на всех. И имя у неё – особенное, волнительное! И... вот, Её... мне дарят.

Щеки зарделись,

жаром хлынуло враз.

О наваждение

в мой сокровенный час...

А Она – колдунья! – взбудораживая..., завораживая...,
нашептывает... нашптывает.

Я вдыхаю аромат, блуждающий в ночи. Уж слишком
горячи скольжения взгляда по путям вселенной. И рук,
сомкнувшихся, дуга освещена лучом Луны, следящей за
Любовью, которая плывёт по тихим улицам, где Ты и Я,
и свет горящих фонарей, играющий в глазах твоих, и...

жар моей ладони.

О, наваждение – любовная страсть!

Я – на коленях. Грудью б упасть

В объятия твоих рук.

И...петь!

Петь!

Петь до конца...

До Света!

До первенца

рождения зари.

О, наваждение – любовная страсть!

Взором зарю б пригубить и... власть

Пить сладость с алых губ.

И...пить!

Пить!

Пить до венца

Раскалённого Солнца –
Рождения Любви.

О, наваждение – любовная страсть!
Огонь целовать, иль в пропасть упасть
В вихре безумства, мук.
Иль... тлеть.
Тлеть.
Тлеть до конца –
До пепла, иль до свинца
В раскалённой груди.

Замерло пламя любви. Вкруг – волнение!
Я... задыхаюсь, терзаясь томленьем,
А на ресницах
жем –
чуг
со дна океана,
со дна океана,
Со дна океана Любви.

2

Прорвалось реки течение, от него озноб в груди. А
Любовь!?! – Прорыв свечения... Кровь бурлит.... Не
осуди! Ох, прошу, не...осуди! Нее...ooo...суу...дииии!
И... не дари мне лент, не дари мне бус,
аними боль с вен,
с рук тяжкий груз.

Не дари мне сказ, клятв на века.
Подари-ка ... миг – миг любви! – тепла,
миг любви, тепла,
тепла, тепла...

Знаю, что всё минует, канет в Лету, промелькнёт как
день вчерашний, но... Любовь... порхает где-то, – в
глубине души! – и Свету... раздаёт – почти что
даром! – теплоту, надёжность рук, бесконечно
избавляя страждущих от тяжких мук.

Ты подари мне капельку тепла,
Встряхни рассыпчатую пудрой солнца
Пред взором глаз моих,
И я забуду, как метель мела
На площадях Любви.

Я позабуду горечь на устах, я позабуду вихрь ненастной
ночи. Пусть темень сгинет, превратиться в прах!
Пусть фея... Счастья, Света... напроорочит душе моей!

Ты подари мне капельку тепла,
и... закружусь я в танце Терпсихоры.

Я знаю – не для всех и не всегда
звучит многоголосье хора
там – в небесах...

Ты подари мне капельку тепла. Не упрекай, не думай,
что беспечна.... Это – Любовь, она с ума свела, и... путь
её стремиться ... в бесконечность.

“ Ты подари мне капельку тепла...” звучало в ушах и
пело в душе. Я невнятно шепчу эти слова и смеюсь. Ты
хватаешь меня за руки, и мы кружимся, кружимся,
кружимся, вскинув головы к звёздам.

Танцуй, беспечность, на мостовых Любви!
Любови вечность, безверьем, не гневи!
Гуляй размашисто, мой ссудный день!
Мой путь ромашковый, не прячься в тень!
Слепой ревнивице наперекор,
В венце провидица спустилась с гор
И вот... затеяла в садах гульбу,
И мне – пророчица! – вершит судьбу.
Танцуй, беспечность, на мостовых Любви!
Любови вечность, кружись, порви
Безверья путы. – Вселюбие – враз! –
В земном всеверии... в бессчетный раз,
И... торжествуй... над миром бытия.

А...Я... в безлюбье выстраданных дней, в бездоля
полосу Вселюбие – жарче всех огней! – как ценный дар
внесу.

3

Мой струг любви был слишком полн...
безудержностью чувств. –
Живая раковина волн
ловила сочность уст.

И...Я пылаю пожаром, сводит Любовь с ума, и ... вот,
всеобъемлюще – даром! – охапки её сполна! И я пылаю

пожаром. Губы – кораллы округ! – шепчут: ”Возьмите!
Дар Вам – с щедростью! – с первых рук, мой август
Любови спелой – вселюбящий! – без прикрас...” Душа
зарделась, запелав свой сокровенный час. И...

Я... в порыве чувств низко кланяюсь...,
не разжавши уст, ручейком струюсь...

– Ох, ты песнь не лей, Красна девица.
Уст разжать не смей – Будет мельница.
Будет мельником перемолота...
в кровь душа...
– Тщета?! Вновь расколота...
чаша жизни сей... половинками? Нееет! Нет!
Нееееееет! О всемогущий!
– А ты внимательно взглядишь в черты лица его
влекущие.

Горечь с любовью спелой в гортани. Уста сводит
улыбка. Несмело, чуть заглянула в глаза...и... (пусть
гнев на себя накликаю, лишь в бездну зла не упасть!)
вижу любовь двуликую – Пиковую масть!

Губы в изгибе линий –
царствующие,
Руки на белых коленях –
властвующие,
Взор из глубины в глубь –
невидящий,

А слово – едкое, меткое! –
обидающее –
Портрет... Нелюбови!?

– Ооооо Господи!
– Всматривайся, авось увидишь, вслушивайся, авось
услышишь...

“Не любит” чуть стало слышно,
“Не любит” – шепнула луна.
Не любит!?
Как странно вышло...
Не любит!
В любви одна... В любви одна...
Сгораю.
Не любит..., не любит..., не любит.

4

Оставьте меня в покое – я выплачу свои слёзы
бесслёзными глазами.
Оставьте меня в покое – я выплесну своё горе
беззвучными устами.
Оставьте меня в покое наедине с тишиной.

И... снится сон...

В расцвеченном небе,
в усталости дня...
Знать дух во мне не был,
коль душу пленя...
Узорчатым светом сквозь призму стекла
Иная планета незримо влекла.

Дух, тяжело тревожась
за слоем гардин,
В объёме всё множась
до Эль – величин,
Терзает мне сердце, по плоти скорбя.
И... вновь эта дверца, где путь, Он и Я.

Где Я моё, множась
на сотни частиц,
Мне душу всё гложет,
не зная границ...
Ущелье, удушье и... всполох вокруг,
Пространство над сушью всемолящих рук.

Всей зримостью бездна...
Вдруг сгустками дым...
Полёт. Всё исчезло...
Лишь свет яркий зрим.
Из-неможение... Пот градом с лица.
Вдруг извержение и... Свет вкруг венца.

В безудержном всплеске протянутых жил,
Как в пламени – блеске! – мой дух закружил.

– О Господи! Пощади! Я стала заложницей
Нелюбви!?

– Не ропщи на судьбу за огрехи, боли в сердце,
терзания в груди. Этот дар... не ради потехи разбросала
судьба на пути.

– Но... чем безжалостнее топчутся по ранам
моим, душа...и тело...

– Тем живо рвение умчатся в край вселенной,
где нет предела...всей сокровенности израненной души.

– О Господи! Прости, не вороши.

– Все пройдет, все канет...

– Душа гореть..., любить... устанет...

– Навечно молодость дана лишь ей одной.

– “Немеркнувшей звездой”... ей быть?! Прости,
но жизнь проходит мимо. Застыла горечь на устах, и я,
незримо, превращаюсь в прах. Прошу развея мою
несносность лет!

– Неповторимость дней в бокал налей и утоли
своей печали след. Всё пройдёт, все канет. Всё
пройдёт..., все канет...

5

Блаженно улыбаясь, пригубила вина и,
глубоко вздохнув, выпила почти до дна.

“Всё прошло..., всё кануло.... Всё кануло и... всё
прошло”.

Ночь, колдовской тишиною, окутала мир
вокруг и замерла за стеною, шепнула чуть слышно:
”Мой друг, печалиться жизнью не нужно, вспомнила –
улыбнись. День за днем так дружно бегут, и..., в
общем,... Всё это – Жизнь”. И... в лейтмотив
бездонной ночи вплелись затейливым узором
Вселенной очи.

“Любить природою рук, любить глубиною
глаз...любить...” – всё четче и настойчивее звучало
извне.

- Любить природою рук?
- Любить глубиною глаз. В сердце рождённый
звук вмиг отличать!
- А сейчас?
- Любить.
- Любить?
- Любить! Любить... вне времен!
- Любить вне времён, вне...лет?
- Вне лет... Свет, что озарён Любовью...
- Любовью?
- Любовью!
- Любовью... Творца.
- И, как в медосбор с полей, нектар золотой лей
в чашу Любви...
- В чашу Любви?
- В чашу Любви!!!
- В чашу Любви...в чашу Любви... даруемую...
Богом...

Эпилог

Зёрна Любви проросшие
Высажу пред окном.
Пусть эти травы всхожие
Мёдом дурманят мой дом.

Зацвела уж трава медуница.
Ароматом пьянящим – в сны!
Лишь любовь с нею может сравниться
В нежной сладости весны.

И... я шепчу: “ Опять весна. О... молодость! Тебе дарован бег... жизнецветения, хотя совсем недолог век, но...головокружение! А вслед, на пятки, наступает лето, и...где-то уж дурманит буйность трав”.

Я, сокровенное познав, смотрю в окно, а там ... звучит любовный хор. Совсем не постарев с тех пор, Луна колдунья! – взбудораживая, завораживая, нашептывает, нашептывает, нашептывает...

Май 2007 год Москва

Содержание

Vita mtmoriae

Своею песней уголю печалей раны

Ворожея